

Александр Кауфман

Первая заповедь

18+

Александр Кауфман

Первая заповедь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кауфман А.

Первая заповедь / А. Кауфман — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03935-3

Клан Серых, некогда могущественное и окутанное тайной сообщество наёмных убийц, нынче повергнуто во прах. Замок разрушен, почти все члены клана убиты, библиотека сожжена и разграблена. Шакнир, один из последних Серых, странствует по миру, стараясь найти себя в новой жизни, не забыть о непреложных Заповедях и остаться человеком. Однажды в грязном портовом городке его встречает загадочный маг Азат — и предлагает убийце заказ, могущий изменить не только его путь, но и судьбы всей Империи.

ISBN 978-5-532-03935-3

© Кауфман А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. Усекновение Руки	10
ГЛАВА 2. Ветер с реки	17
ГЛАВА 3. Надёжные связи	29
ГЛАВА 4. Смерть казначея.	37
ГЛАВА 5. Лесной путь.	45
ГЛАВА 6. Жители сердца	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

*Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения.
Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира;
ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу.
Екк. 7,1–2*

ПРОЛОГ

В таверне было накурено, шумно и душно. Вечер тёк своим чередом, согревающие напитки переливались из глиняных кувшинов разносчицы Хельги, девушки с выдающимися во всех смыслах формами, в подставленные кружки посетителей. Двое Горных затеяли хриплый спор в углу, громко переругивались, напряжённо сопели, но драться не осмеливались – тут всякий знал, что Кир, владелец таверны, накоротке со стражей. В центре зала бард с клокастой козлиной бородкой гнусавил под звуки расстроенной лютни, чуть сбоку, у стены с окном, пятеро кидали кости и монеты, радостно вопя при каждом удачном броске.

За отдельным небольшим столиком у самой лестницы, ведущей на второй этаж, расположился человек в потёртом сером дорожном балахоне. Капюшон был откинут, открывая узкое красивое лицо с хищным носом, широкими скулами, плотно сжатыми тонкими бледными губами; зачёсанные назад тёмные волосы были забраны в небольшой хвост, перехваченный причудливым металлическим кольцом-зажимом. Перед мужчиной стояла бутылка дорогого тамирского вина и блюдо с жареным мясом. Он сидел в одиночестве, и, несмотря на забитую до отказа таверну, подсаживаться к черноволосому никто не спешил – один забулдыга, случайно подошедший слишком близко, наткнулся на ледяной взгляд голубых глаз и поспешно ретировался. Мужчину такое положение полностью устраивало. Наслаждаясь мясом и с удовольствием смакуя вино, он достал из объёмной дорожной сумки маленький мешочек из мягкой ткани и вытряхнул на ладонь изумруд. Процедура предстояла не самая приятная, но вполне привычная. Почему именно эти драгоценные камни после соответствующей огранки и нанесения магических символов идеально подходили для хранения воспоминаний, доподлинно не знал ни один учёный муж. Теорий существовало множество, но черноволосого эти размышления не слишком интересовали – он привык работать с фактами и был убеждён в том, что в мире есть огромное множество тайн, не подвластных человеку. Мужчина уже видел, какие страшные картины хранит изумруд, но решил настроить себя на работу и посмотреть ещё раз, хоть это и не было приятно. Положив пальцы на холодный камень, он прикрыл глаза, прошептал простенькое заклинание и погрузился в чужую память.

...

В камере пыток пахло палёным мясом и тёплой кровью. Истерзанный кусок плоти, когда-то бывший человеком, висел, растянутый на дыбе, подвывая от ужаса и боли. Палач, повинуясь негромкому приказу высокого худого блондина в чёрной одежде, взял огромные кусачки и отхватил пытуемому мизинец на левой ноге. Несчастный взвыл, подавившись хрипом и кашлем. Тот, чьи это были воспоминания, шмыгнув носом, нервно сглотнул и отвернулся. Вероятнее всего, он служил писарем – сидел чуть в стороне, за столом с бумагами и с пером в руке; неверные огоньки свечей трепетали от сквозняка, отбрасывая причудливые тени на ровные ряды букв. Блондин, приподнявшись и подойдя к пленнику, вкрадчивым голосом начал увещевать.

– Дорогой, скажи всё. Всё-всё. Мой человек это запишет, и тебя отправят на суд. И, возможно, даже не казнят. У тебя семья, ты раньше был законопослушным; сошлют на каторгу лет на десять, Империи нужны крепкие рабочие, время быстро пройдёт. А после – домой, к жене и детишкам.

– Но... Я не виноват! – пленник забился в цепях, рыдая. – Я не убивал! И уж тем более не магией Стихий, я вообще о магии ничего не знаю! Я был в это время у Карла, соседа, он живёт через два дома, он подтвердит! Пожалуйста!

– Карл недавно рассказал нам, что это ложь. Показать его письменное признание? – в голосе блондина появилась ироничная нотка.

– Ложь? Что... Как?

– *Послушай, я устал. Мы все устали. Давай закончим это, а? Расскажи всё. Может, даже не так – я буду говорить, а ты будешь соглашаться. Кивать. Идёт?*

– *Я не виноват! Не виноват!*

– *Как ты мне надоел... – дознаватель махнул тонкой рукой, – я догадываюсь, что, возможно, ты не виноват. Но, пойми, мне нужно отчитаться. Тут замешана магия Стихий – опасная, запрещённая! – и если я не найду виновного, меня выкинут. Маг Кристоф Аберд пока-зал на человека, похожего на тебя; с Харцманами ты давно враждуешь, вы не можете поде-лить дом под бакалейную лавку; даже твой сосед Карл признался, что тебя у него не было! Ты подходишь. Поэтому, уверяю тебя, отсюда ты поедешь или на плаху, или на каторгу. Третьего не дано.*

Писарь, чьими глазами можно было наблюдать всё происходящее, застыл в явном изум-лении. Позже, когда он станет Заказчиком и согласится на магическое вмешательство в память, ритуал сложный и немного рискованный, он будет говорить, что отдал за этот Заказ почти все свои сбережения, только чтобы такой человек не жил больше на свете. По слухам, за благородный порыв с писаря даже взяли меньше обычного. Впрочем, это могли быть всего лишь слухи.

Между тем, в камере палач откусил пленнику безымянный палец. Тот, завывая и про-клиная всех и вся, постарался плюнуть в блондина, что у него, конечно, не вышло. Блондин, явно раздосадованный, подошёл к столу с инструментами и вытянул оттуда тонкий изогну-тый нож.

– *Знаешь, что это? Сейчас увидишь, извини за каламбур. Почему каламбур? Секун-дочку... Держи его.*

Пленник забился в крепких руках палача, что тисками сжимали его голову. Блондин про-сунул нож в глазницу и одним ловким движением вытащил глазное яблоко наружу. Пытае-мый взвыл умирающим зверем. Следующим движением блондин отрезал нерв, и глаз пленника упал на холодный каменный пол.

Через четверть часа, когда пленник слегка пришёл в чувство, блондин продолжил всё тем же спокойным ровным тоном:

– *Вот видишь. Я могу и так. Плети, отрезанные пальцы, вырванные ногти – ерунда. Знаешь, сколько на твоём теле есть забавных мест? У тебя есть второй глаз. У тебя пока что полный комплект зубов, а вот эти иголки – они-то как раз для нервов и дёсен. У тебя, в конце концов, есть мужское достоинство. Пока что. Есть коленные чашечки. Есть подмышки – многие их недооценивают, но я-то знаю, что с ними делать, поверь. Есть...*

– *Х-х-хватит! Я всё подпишу! Буду кивать! Остановитесь! Пожалуйста! – пленник, жалкий остаток человека, сейчас предпочёл бы смерть любому другому исходу.*

– *Вот и договорились. Славненько, – блондин потёр руками виски и поморщился. – Итак, вопрос первый – четыре дня назад, ночью, ты получил от независимого мага Кристофа Аберда старинный амулет, зачарованный запрещённой магией Стихий, и с его помощью обра-тил в головёшки семью Харцман, своих давних соперников, и их дом. Так?*

– *Да... Да, так и было... – выдавил пленник.*

– *Замечательно! Записывай, Дерк, – кивок в сторону писаря. – Тогда продолжим...*

...

Черноволосый убрал пальцы с изумруда и вернулся из тёмной камеры пыток в весёлую и шумную таверну. Неспешно допив вино, он встал из-за стола, оставил на гладкой поверхности монету, однако двинулся не в сторону выхода, а вверх по лестнице, где располагались комнаты для постояльцев.

Второй дознаватель Отдела расследования магических злоумышлений Королевской Жандармерии Игнаций Варган отдыхал в своей комнате на втором этаже неплохой местной

таверны после первого дня выездной работы, вдали от столичной суеты. Правда, за сегодняшний день он успел лишь испить вина с местным начальником отделения Королевской Жандармерии, однако Игнаций всё равно чувствовал себя усталым. Сейчас он сидел и откровенно скучал над трудами великого Антона Верми, теоретика и практика допросов. Во время небрежного пролистывания главы о методах ведения допросов с привлечением свидетелей и ложных свидетелей, дознаватель услышал стук в дверь. Накинув тонкий халат, он подошёл и без опаски открыл: символ Королевской Жандармерии позволял ему чувствовать себя уверенно почти везде, в соседней комнате дежурил приставленный на время выездной работы страж, а себя Игнаций считал неплохим бойцом – правда, не вполне заслуженно, ведь реального опыта дознаватель не имел, ограничиваясь учебными поединками.

На пороге стоял незнакомый черноволосый мужчина, от взгляда льдисто-голубых глаз его Игнаций почему-то отшатнулся чуть ли не в ужасе, но быстро взял себя в руки и задал вопрос тоном, как ему казалось, жёстким и хлёстким:

– Кто ты такой и что тебе нужно?

Получилось не очень внушительно, голос сорвался на фальцет в самой середине фразы, и заметивший это черноволосый слегка улыбнулся:

– Третья Заповедь наказывает мне представиться и предоставить право защищаться любым оружием на выбор. Итак, зовут меня Шакнир, и я пришёл убить тебя, – черноволосый неувловимым движением вытащил два изящно-смертоносных парных кинжала из складок балахона. – Чем будешь защищаться? И будешь ли вообще?

От страха дыхание Игнация перехватило, разум затуманился, и он даже не смог вспомнить, как позвать стража, вместо этого жалко пискнув что-то нечленораздельное о своей невинности.

– Невиновен, говоришь? Отнюдь, – мужчина непреклонно шагнул в комнату, заставив дознавателя попятиться, и притворил дверь – Согласно второй Заповеди, мы не убиваем, мы караем виновных. Мы всегда уверены в вине того, кто должен умереть. Впрочем, мы не опираемся на законы; у нас на многое свой взгляд. Однако, друг Игнаций, изошрённые попытки невинных людей – совсем не то, что мы могли бы одобрить.

Во время краткого монолога второй дознаватель Игнаций Вартан, восходящая звезда отдела и гроза всех, кто попадал в его руки, с шумом и запахом обделался. Он так и не понял, что вызвало в нём животный ужас, заставивший вжаться в угол и не иметь сил позвать на помощь. Игнацию и раньше многожды угрожали смертью, но сейчас всё было совершенно иначе. Черноволосый Шакнир не угрожал, он сухо и немного скучно излагал, зачем пришёл, а Игнаций знал, что убийца свою работу выполнит – холодные голубые глаза, почти не выражающие эмоций, говорили лучше тысячи слов. Обезумевший от страха Вартан нашёл в себе силы на последний рывок: путь к двери ему преграждал Шакнир, но было ведь ещё и окно. Игнацию показалось, что он метнулся с невероятной скоростью, дознаватель вложил в рывок всю волю к жизни, но для Шакнира он двигался, подобно мухе, очнувшейся после зимней спячки. Неувловимым движением убийца метнул кинжал, который настиг жертву на полпути к окну и вонзился между лопаток, чуть левее позвоночника, пробив лёгкое и сердце. Коротко булькнув, Игнаций Вартан упал, тело его несколько раз дёрнулось в предсмертной агонии и застыло. Шакнир, размышляя о лёгкой смерти, сделал несколько шагов, обошёл лужицу крови и вытащил кинжал, обтерев его концом халата дознавателя. На небольшом прикроватном столике громоздилась красивая резная шкатулка – из неё убийца вывалил в дорожную сумку дорогие украшения; он никогда не брезговал добычей. Выйдя в коридор, Шакнир тихо закрыл за собой дверь, сломал ключ в замке, а оставшуюся часть выкинул в окно. Пройдя к противоположному концу коридора, так никем и не замеченный, он спустился по тухлявой лестнице для прислуги в пропахший навозом и бедной жизнью внутренний двор, перемахнул через ограду, миновал несколько чахлах грядок и вышел на улицу, противоположную той, где стояла таверна. Пройдя

немного по улице, он наткнулся на скопление извозчиков возле кабака, что работал всю ночь и предлагал своим посетителям «лучшее пенное во всём Тилльене». Заплатив половину рема, Шакнир взял средней руки экипаж и приказал двигаться в портовый район, большой, запутанный, пропахший рыбой, нечистотами и крепким моряцким потом. Через три часа, перед самым рассветом, из порта отходило небольшое грузовое судно, и Шакнир заранее сговорился с капитаном, что тот подбросит пассажира на три десятка лиг вниз по Жёлтой реке. Дело было сделано, и сделано хорошо, и убийца позволил себе вздремнуть четверть часа.

ГЛАВА 1. Усекновение Руки

Когда экипаж достиг портового района, Шакнир, кожей ощущая страх извозчика и его желание поскорее уехать, отсыпал ему ещё немного денег за молчание и ввинтился в лабиринт улиц и проулков. Убийца был в Тилльене впервые, но отлично развитое чувство направления и умение ориентироваться в любой обстановке позволяло быть уверенным в том, что он не заблудится. За очередным поворотом, там, где тьма сгустилась особенно сильно, его вдруг окликнул грубый голос:

– Эй!

Шакнир быстро и плавно развернулся, в движении положив руку на рукоять кинжала. Если это были уличные громилы, то нападение на убийцу станет их последней в жизни глупостью.

– Я не враг тебе, – продолжил голос, – убери руку со своего клинка. Я хочу поговорить, Шакнир.

– Откуда тебе известно моё имя? – убийца впервые за долгое время был слегка обескуражен; ему казалось, что Заказ выполнен безупречно.

– Мне известно многое. Выслушай меня. У меня есть Заказ. Возможно, он станет самым важным в твоей жизни, – голос из мрака оказался настойчивым.

– Если ты так много знаешь, тебе должно быть понятно, что Заказы не принимаются просто так.

– Почти все ваши Звенья-связные потеряны после разгрома клана Серых. Кроме того, Шакнир, ты ведь был Кинжалом Карающего, а значит, имел право работать напрямую. Может, поговорим? – голос показывал исключительную осведомлённость.

– Сначала выйди из тени, старик, – коротко ответил убийца.

Тьма пришла в движение, и человек в просторном балахоне и короткополой шляпе отошёл от стены и приблизился к Шакниру. Он действительно оказался стариком, но не дряхлым, а высоким, статным и наверняка ещё сильным. Лицо его напоминало истрёпанный солёными ветрами флаг – оно было изрыто морщинами и шрамами. Прозрачные глаза горели хитрыми огоньками, небольшая, аккуратно стриженная седая борода резко контрастировала с чёрными бровями; некая чрезмерная полнота губ уравнивалась прямой и твёрдой линией рта.

– Немногие по моему голосу могут определить, что я стар. Ты действительно мастер своего дела, убийца, – он кивнул, словно соглашаясь сам с собой.

– Иногда связки тебя подводят. Говори, что хотел, старик, – Шакниру не нравился собеседник, но агрессии он не проявлял, и убийца решил его выслушать.

– Называй меня Азат, – старик мягко улыбнулся.

– Я подумаю... старик.

– Не желаешь пройти куда-то под крышу и поговорить спокойно? Я снимаю небольшой дом неподалёку, – Азат неопределённо махнул рукой – а до твоего судна ещё пара часов.

– Ты умеешь читать мысли? Маг? – насторожился Шакнир.

– Маг. Мысли не читаю, но умею мыслить сам; зачем бы тебе сейчас находиться в портовом районе? Ты просто хочешь сбежать из Тилльена ещё до рассвета; тебе не кажется, что ты становишься предсказуем, Шакнир? – едко осведомился старик.

– Почему же, если я предсказуем, ты говоришь со мной о каком-то Заказе? – в тон ответил убийца.

– Потому что пока ты всё-таки один из лучших. Следуй за мной.

Шакнир хмыкнул и пошёл за стариком по извилистым улочкам портового района. Ветер принёс запах подтухшей рыбы из доков, и Шакнир невольно поморщился; укравший кость пёс при виде людей шмыгнул в грязную подворотню; ночной гуляка лежал навзничь в грязи, и

карманы его уже были вывернуты. Район жил своей особенной ночной жизнью, и двое прохожих совершенно затерялись в его паутине.

За очередным поворотом показался небольшой приземистый домик. Старик постучал тяжёлым кулаком в хлипкую дверь, отчего она едва не слетела с петель. Отворивший хозяин, увидев Азата, пробормотал несвязное приветствие и с поклонами скрылся в соседней комнате, предоставив гостям просторную кухню и уставленный бутылками и снедью стол. Азат грузно опустился на крепкую деревянную скамью, подвинул ближе початую бутылку вина и головку сыра, приглашающим жестом указал Шакниру на свободный стул:

– Я плачу ему столь щедро, что он сможет купить себе дом в более приличном месте сразу после того, как я съеду.

– Говори быстрее, старик. Скоро мне надо быть далеко, – поморщился Шакнир.

– Выпей вина, расслабься; у тебя есть время, – укоризненно покачал головой Азат. – Негоже отказываться от сердечного приглашения.

– Я не желаю растрчивать себя на то, чего даже приблизительно не понимаю, – отрезал убийца. – Говори, зачем привёл меня сюда, или я уйду немедленно. Я не собираюсь распивать вино с первым встречным только потому, что ему известно моё имя.

– Да будет так, – кивнул Азат, – и в твоих словах есть зерно истины. К делу, значит... Хорошо. Что ты знаешь о магии, убийца?

– Кое-что. Намного больше, чем обычный человек, намного меньше, чем служитель Коллегии. Есть некоторые заклинания, которыми я владею сам. К чему эти вопросы?

– Тогда сначала немного введу тебя в курс дела, – старик с удовольствием сделал добрый глоток вина. – Магия Стихий – о ней тебе известно?

– Запрещена после известных событий. Источник запечатан, – отозвался Шакнир, по-прежнему не понимая, куда клонит этот странный человек.

– Именно! – обрадовался маг и отметил свою радость ещё одним глотком. – Как известно любому, кто хоть что-то понимает в волшебстве, есть четыре вида магической энергии: Оз, Стихия; Шом, Плоть – сюда относятся такие течения, как, например, исцеление живой плоти или оживление мёртвой; Фай, Разум; наконец, Лим, Мироздание – самая сложная в постижении и управлении. С помощью Лим можно повелевать даже временем и пространством.

– Этому нас тоже учили. Если ты полагаешь, старик, что Серые умеют только махать острыми железками, то вынужден тебя разочаровать, – недовольно ответил Шакнир.

– А вот вежливости вас не учили, как я погляжу, – неожиданно заключил Азат, – старших перебивать нехорошо. Итак, есть четыре вида магической энергии – и есть Источники. Что характерно, источник Оз на нашем континенте лишь один, хотя других гораздо больше. Думаю, боги так распорядились, ибо энергия Оз есть самая разрушительная. Власть над стихиями даёт колоссальные возможности. Убийственные возможности. Поэтому после Инцидента было принято решение запечатать единственный источник на территории Империи Килкитов. И все соседние королевства, в том числе твоё, Старое Королевство, поддержали этот шаг.

– Альтерия – не моё королевство, старик. Я родом из Империи.

– Я знаю, Шакнир, – кивнул Азат, – но ведь клан располагался именно здесь.

– По старым уложениям было иначе – Серый замок считался независимой территорией, не подчиняющейся законам Альтерии.

– Этот закон полторы сотни лет как отменён, Шакнир. Что и привело, в конце концов...

– Не стоит об этом, – перебил убийца. Ему были неприятны разговоры о печальной судьбе клана.

– Тогда я продолжу. Энергию напрямую из источника можно брать только на небольшом расстоянии. Основной способ накопления и удержания магической энергии – камни ким, довольно редкий минерал. Маг чувствует камень, наполняет его, после берёт энергию. Причём черпать энергию можно и из чужих камней, поэтому практикуются различные способы

защиты, как магические, так и физические – особым образом выплавленные медные футляры, например. Один из элементов поединка двух магов – непрерывные попытки *почувствовать* чужие камни ким и вытянуть энергию из них, сохранив в неприкосновенности свои.

– Старик, я всё понимаю, но мне не слишком ясно, к чему эти лекции. Мы это проходили на первом цикле обучения, – Шакнир начал вставать из-за стола, всем своим видом показывая, что потерял интерес к разговору.

– Опять ты перебиваешь! – воскликнул маг. – Дай закончить, несносный щенок!

Такого оскорбления Шакнир потерпеть не мог. Молниеносным движением он вытащил кинжал, не собираясь, конечно, убивать собеседника, однако желая проучить его. Азат спокойно дождался, пока клинок полностью обнажится, и только потом сделал лёгкий взмах пальцами. Шакнир застыл, не в силах пошевелиться.

– Шом, убийца. Плоть. Твои мышцы не станут служить тебе, пока я этого не захочу, – Азат широко улыбался, довольный собой. В прозрачных глазах плясали весёлые искорки, и Шакнир вдруг подумал, что маг специально его спровоцировал. – Впредь не рекомендую бросаться на меня. Наизнанку выверну. В буквальном смысле.

Маг расслабил руку, и Шакнир почувствовал, как тело снова начинает подчиняться. Поняв, что пока с таким противником ему не тягаться, убийца спокойно, будто ничего не произошло, вернулся на свой стул. Глупость не входила в число его качеств, и Шакнир предпочёл отныне молча слушать. Ему очень не хотелось быть вывернутым наизнанку.

– Для чего я всё это рассказываю, спрашиваешь? А для того, чтобы ты знал – есть маги, которые могут накапливать энергию внутри самих себя. Это не легенды и байки, это правда. Один из них сейчас перед тобой. Другого тебе предстоит уничтожить.

– Вас всего двое таких? – осведомился убийца; кажется, они, наконец, приближались к сути.

– Нет. Больше. Но многие из нас, самых могущественных, отошли от дел.

– Почему ты не можешь сделать этого сам? Если ты такой сильный? – поинтересовался Шакнир.

– Ты не представляешь, что такое поединок двух сильных волшебников. Колоссальные потоки высвобожденной энергии, и далеко не всю маг успевает обработать и превратить в заклятье. После таких схваток возмущения ещё долго идут по Эфиру, вызывая какие угодно аномалии. А я, по определённым причинам, хочу вызвать как можно меньше возмущений.

– Кто этот маг?

– Деловой разговор, убийца? Это мне нравится. На самом деле, если говорить откровенно, работы там гораздо больше. Всего в этом Заказе пять целей.

– А можно всё-таки чуть более конкретно? – желчно спросил убийца.

– Знаешь, кто такие Рука Императора?

– Неисполнимо, старик, – Шакнир поднялся, на этот раз и вправду собираясь покинуть странный дом и странного собеседника. – Я, пожалуй, откажусь. Моим возможностям тоже есть предел.

– Пятьдесят тысяч имперских реалов, Шакнир, – маг достал из дорожной сумки вместительный холщовый свёрток и бросил его на стол. От свёртка струилась чуть слышимая аура мощных заклятий. – Часть золотом, но в основном драгоценными камнями. Тут треть, задаток. После убийства трёх целей получишь ещё треть, остаток – после выполнения Заказа.

Шакнир застыл в изумлении. Это было колоссальное состояние, которое ему сложно было даже вообразить. Придя в себя, Шакнир посмотрел магу в глаза:

– Такого не бывает.

– Как видишь, бывает, – невозмутимо пожал плечами Азат. – Деньги – сор и пыль, когда дело касается судебных миллионов разумных существ.

– Ты наверняка знаешь наши Заповеди, – Шакнир, ошеломлённый суммой, старался сохранить ясное сознание и звериным чутьём ощущал подвох.

– Знаю, – кивнул Азат, – эти люди виновны в самом страшном злодеянии. В предательстве.

– Я хочу знать все подробности, – возразил убийца.

– Это твоё право, – кивнул маг – а я повторю свой вопрос: что тебе известно о Руке Императора?

– Пять человек. Ближайшие помощники и советники. Давняя традиция – Император приближает к себе пятерых, возвышая их над прочими, вне зависимости от рода занятий.

– Сейчас в Руке маг, воин, стратег, казначей, политик, – продолжил Азат. – Язат Келрим, тот самый маг, уроженец южных провинций. Очень могущественный и очень опасный. Эйвинд Сладкоголосый из рода Хармиров – воин, командир личной императорской стражи. Луций Корнелий, опытный полководец и стратег, Высокий Маршал. Аарон Гальперн, казначей, главный счетовод всей Империи. Бренна Макграт, советник Императора по вопросам внешней и внутренней политики; настоящая змея, если хочешь знать моё мнение.

– Все они – предатели? – скептически осведомился Шакнир.

– Они задумали убить Императора и всех его наследников. Но не это самое страшное. Они предадут весь человеческий род.

– Громкие заявления, пока ничем не подкреплённые, – покачал головой убийца. Он наконец-то хлебнул вина, и теперь по телу разливалась приятная истома. Горящие свечи бросали причудливые отблески на стены. Серость за окном возвещала скорое начало нового дня.

– Пока ты вправе не верить мне, Шакнир, но скоро убедишься в истинности моих слов. Начинается ещё одна интересная часть рассказа, – волшебник откинулся на спинку стула, достал кисет и красивую резную трубку, неспешно набил её ароматным табаком. – Ты знаешь о том, что Горные и Лесные заключили перемирие?

– Это было больше двух лет назад.

– Они сделали это не просто так. Если ты согласишься на карту, то поймёшь, что им не нравится Империя, – волшебник махнул рукой, и на миг убийце показалось, что табачный дым приобретает очертания стран и континентов; впрочем, наваждение мгновенно пропало, стоило попытаться всмотреться чуть лучше. – Империя слишком большая. Слишком сильная. И хочет расширяться дальше... Но объединённых сил Горных и Лесных, даже если они отринут извечные свои распри, не хватит на то, чтобы заставить Империю Килкитов покориться. Поэтому Горные нашли способ пробудить и призвать на свою сторону Первых.

– Что? Первую расу? – от обилия новых знаний голова шла кругом. Шакниру казалось, что в странный этот предрассветный час дрожащие химеры далёкого прошлого вдруг обрели плоть и кровь.

– Именно, – серьёзно, без тени улыбки ответил Азат. – Десятки тысяч лет назад, когда не было ни людей, ни нелюдей, Первые ушли глубоко под землю, построив там прекрасные и удивительные города. Что побудило их покинуть поверхность планеты, думаю, не знает никто. Города разрослись, процветали, пришли в упадок, разрушились, и Первые, чтобы окончательно не погибнуть как вид, погрузились в долгий летаргический сон. Их могущественная магия позволяет им существовать в таком состоянии и поныне. Горные, которые также преуспели в познании земных недр, смогли добраться до Первых, разбудить некоторых из них и как-то привлечь на свою сторону – уговорами, силой, кто не знает? А даже один Первый есть мощь древних магических знаний.

– То есть ты, старик, хочешь сказать, что надвигается большая война? – покачал головой Шакнир. – Империи придётся противостоять не только клинкам и лукам нелюдей, но и древней магии?

– Император узнал об этом и принял единственно верное решение, – Азат сжал руку в кулак, морщинистое лицо его окаменело, – он начал ритуал снятия Печати с источника Оз. Только магия Стихий может быть соизмеримым ответом волшебству Первой расы; её разрушительная мощь даёт надежду на равные шансы в надвигающейся войне.

– И Рука Императора вдруг решили убить своего владыку, – протянул Шакнир. – Почему? Зачем предавать того, кто и так вознёс их к вершинам власти? После Императора и его семьи Рука – наиболее могущественные люди в государстве.

– Кто может знать мотивы предателя? – философски спросил маг. – Золото? Ещё больше власти? Свой кусок земли, на котором ты сам можешь быть императором, королём, кем захочешь? Мне известно только, что не все в Руке имеют вес и влияние достаточное для того, чтобы сохранить свои привилегии в случае потрясений. Ронан II Килкит – намеренно или случайно – отбирал в ряды приближённых тех, кто без него мало что значит. Большой Совет роптал, в частности, узнав о назначении Луция Корнелия на пост Высокого Маршала; но Императору они перечить не посмели. Так что – как знать? – может, именно властью и были соблазнены эти свернувшие с верного пути люди. Как бы то ни было, сначала Рука пытались отговорить Императора распечатывать Источник Оз. Он своей позиции не изменил.

– Значит, ты, старик, хочешь, чтобы я убил Руку Императора, всех пятерых, а заодно и поспособствовал выживанию всей человеческой расы? – вопросительно поднял брови Шакнир.

– Именно, – кивнул волшебник, выпуская из носа две тугих дымных струи.

– Боюсь, даже твои деньги не смогут здесь помочь, – убийца вновь поднялся из-за стола, – я не тот человек, который тебе нужен.

– Боишься ответственности? Не ожидал, – усмехнулся Азат. – Сядь. Ты не подумал о том, что на эти деньги сможешь исполнить свою давнюю мечту и возродить клан. Как тебе такая мысль?

– Ты и это знаешь? – Шакнир устало прикрыл глаза. – Старик, не обманул ли ты меня? Не читаешь ли ты мысли?

– Я давно наблюдаю за тобой, убийца; ты мечешься, ищешь – сам не знаешь, что именно; стараешься поддерживать связь с теми, кто ещё остался, хотя почти все Серые – одиночки. Зачем тебе это нужно, если не для того, чтобы рано или поздно вновь собрать всех воедино? – маг помолчал; Шакнир не перебивал. – Ни к чему стыдиться своей мечты. И ты, как никто другой, достоин исполнить её – именно ты был претендентом на место Карающего. Ты его Кинжал – помнишь?

– Был ещё Меч Карающего, правая рука, если хочешь, – задумчиво ответил Шакнир, – мне всегда думалось, что он со временем должен стать новым главой клана.

– Меч? Клод Морель? Он был слишком горячим. И буйным.

– Он был искуснее меня в воинском деле, – парировал убийца.

– Уверен ли ты в этом? Ваш последний поединок состоялся больше пяти лет назад. Кроме того, он уступал тебе в хладнокровии. Он был Мечом – отважным, пламенным воином. А ты по праву занял место Кинжала – убийцы, действующего из тени; комбинатора; хитреца, если хочешь. Однако что говорить о прошлом – сейчас реальность такова, что шесть убийц слоняются по всей Моране, пытаясь найти себе новое применение.

– Шесть? Нас оставалось семеро, – Шакнир сам не заметил, как вновь оказался на стуле; точным движением ножа он отделил кусок пахучего сыра и теперь задумчиво жевал солонуватую мякоть.

– Тристан погиб полгода назад, – волшебник отхлебнул вина; несмотря на изрядное количество выпитого, ему будто было всё равно. – Взял Заказ и попал в засаду. Отважно дрался, но силы оказались совсем не равны, – Азат подмолчал и, не дождавшись ответа, продолжил: – С деньгами ты сможешь, если пожелаешь, собрать новый клан Серых. Пока все вы не погибли поодиночке.

– Чьи интересы ты представляешь? – убийца поднял голову и впился в мага колючими льдинками глаз. – Кто ты, если можешь распоряжаться такими средствами?

– Возможно, когда-то ты узнаешь, – Азат мягко улыбнулся и отвёл взгляд. – Возможно. Ты берёшь Заказ?

– Как и когда я получу доказательства вины Руки? Если следовать духу Заповедей, я должен попросить их заранее, – жёстко спросил убийца.

– Обещаю, что совсем скоро ты убедишься в подлости и низости тех, кто задумал предательство не только своего покровителя, но и всего человеческого рода, – спокойно ответил волшебник. – Я понимаю, что ты не станешь нарушать Вторую заповедь и убивать без доказательств вины. Если все мои условия подходят тебе, произноси долженствующую фразу.

– Я, Шакнир, Кинжал Карающего, Серый не по рождению, но по духу, принимаю Заказ волшебника, назвавшегося Азатом. Клянусь выполнить его, соблюдая Заповеди, или погибнуть. И да будут все боги свидетелями моих слов.

– Хорошо, – кивнул маг и подвинул тугой свёрток убийце, – бери деньги.

– Для начала сними с них охранное заклятье. Я не великий волшебник, но магию чую.

– Оно не причинит тебе вреда, – ответил Азат. – Пора идти, убийца. Судно отдаёт швартовы через час. Вскоре мы ещё встретимся. Я сам разыщу тебя.

– С нетерпением буду ждать... старик.

Не дожидаясь ответа, Шакнир вышел из дома и направился по извилистым улочкам в сторону причалов. Капитан судна, просоленный бывалый моряк, наверняка станет роптать в том смысле, что идти в Империю ему вовсе не с руки; впрочем, Шакнир знал верный способ переубедить капитана.

ГЛАВА 2. Ветер с реки

Филът встретил Шакнира промозглым ледяным ветром, дующим с Жёлтой реки. Свинцовые речные волны, покрытые мелкой рябью, разбивались о каменистый берег, принося с собой ветки, обрывки ткани, моллюсков и прочий мусор. В этом крупном портовом городе, само существование которого было связано с рекой, жизнь была такой же, как и сама река – порой неспешной и ленивой, иногда стремительной, иногда застоявшейся, но всегда мутной и грязной. Первый порт Империи на Жёлтой реке, Филът был вотчиной контрабандистов всех мастей – отсюда товары нелегально отправлялись вниз по течению в Альтерию или, чаще, вверх, в Северные вольные княжества, а уж затем развозились по всем уголкам Мораны. Каждый Император считал своим долгом бороться с контрабандой по Жёлтой реке, но пока никому это не удалось – контрабандистов вешали, топили, гнали с собаками, выискивали речными дозорами и даже призывали на помощь магию, но они всё равно продолжали сплавлять товар на больших кораблях и маленьких лодках, на брёвнах в лесосплав, даже на себе; прибыль была слишком велика, чтобы жестокие казни останавливали хоть кого-то. Купив и нелегально вывезя из Империи драгоценные северные камни, а обратно вернувшись с пряностями из далёких южных стран, можно было получить годовое жалованье рядового стражника; сделав за год десяток таких рейсов – обеспечить себе скромную, но безбедную жизнь до конца дней; а если по чужим головам забраться повыше и стать одним из «речных баронов», как называли себя главари шаяк контрабандистов, то можно было стать богаче иного аристократа. Блеск золотых имперских реалов манил, деньги казались лёгкими, и многие были согласны рисковать, лишь бы не влачить жалкое существование рыбака или крестьянина.

Шакнир плотнее надвинул капюшон, защищаясь от пронизывающего ветра, и пешком направился в центр города, по дороге планируя действия —он считал, что хорошо разработанный план является краеугольным камнем любого Заказа. Впрочем, импровизировать убийца тоже умел, что в его работе было качеством важным и нужным. Шакниру предстояло добраться до величественного и прекрасного Скирота, столицы Империи Килкитов – во всяком случае, так казалось на первый взгляд. Хитрый старый маг дал очень мало сведений, пообещав сделать это позже, но Шакнир предполагал, что Рука Императора, конечно, находятся в столице. А даже если и нет, то именно в Скироте можно было узнать гораздо больше, чем в любом другом уголке Империи. Кроме того, убийца вдруг почувствовал, что ему хочется взглянуть на Скирот. Он его помнил, но довольно плохо – Шакниру было всего восемь, когда он сбежал из столицы, оставив родительский дом; в память навсегда врезались каменные дома, черепичные крыши, уходящая в небо Башня богов, громада императорского дворца – сердца Империи и главной резиденции династии Килкитов. Шакнир ждал встречи с городом с каким-то несвойственным ему трепетом, чему был изрядно удивлён. Однако прежде чем строить далеко идущие планы, Шакниру требовалась подробная карта Империи – наверняка его собственная, купленная едва ли не десяток лет назад, успела устареть. В Фильте можно было купить почти любую карту, от самой обычной, географической, до нелегальной, где отмечены маршруты патрульных и скрытые речные течения; убийца, за размышлениями успевший добраться до центра города, зашёл в ближайшую лавку, торгующую всем на свете. За умеренную мзду почти любой лавочник мог предоставить любые, даже запретные, товары, но, конечно, не чужаку вроде Шакнира.

– Доброго дня, хозяин, – убийца, нарочито шумно открыв дверь, откинул капюшон и коротко наклонил голову. – Мне нужна детальная и подробная карта Империи. Есть у вас такая? И очень желательно, чтобы кто-нибудь подсказал мне, какую дорогу выбрать. Я давненько не бывал в ваших краях.

– Господин, вы правильно сделали, что зашли ко мне! – толстячок на коротких кривых ножках выбежал из-за стойки и, на ходу рассыпая угодливые полупоклоны и дружелюбно ска-

лясь, просеменил к Шакниру. Торговец, очевидно, каким-то тайным чувством понял, что у покупателя, несмотря на его невзрачный внешний вид, деньги есть. – Имеется карта, имеется! Императорское картографическое общество! Самая лучшая из всех, что можно найти в этом захудалом городке. Всего один реал! – толстяк порылся в ящике и развернул отпечатанную на пожелтевшей бумаге карту.

– Можно ли посмотреть? – Шакнир принял из рук улыбающегося торговца карту, прищмокнул, покачал головой, почесал затылок – в общем, изобразил весь приличествующий спектр эмоций – а после впился холодным взглядом в толстяка, растянув губы в особенной, хищной, улыбке. – Есть одна проблема, господин. Это не подлинник Императорского картографического общества, а кустарная копия. Неумелая. Печать Общества подделана, видите? Геральдический морской змей нарисован совсем уж примитивно, тогда как на настоящей печати можно разглядеть каждую его чешуйку. Да и бумага не та, они печатают на такой, которая почти не боится влаги и ветра... Требовать один реал за такую паршивую бумажку может только очень нечестный человек. Вы, уважаемый, просто ошиблись. Я прав?

– Господин разбирается, как я погляжу... – бормочущий торговец бледнел на глазах, отступая на шаг от странного человека, чьи непроницаемо-голубые глаза сулили боль и страдания. – Я действительно ошибся... Сейчас-сейчас... – он вновь нырнул прилавок и принялся копать в тайных его недрах. – Вот, это настоящая карта! Самая что ни на есть, господин! – он улыбался торжествуя, как будто не пытался только что втюхать фальшивку за полновесный реал.

– Другое дело, – на сей раз Шакнир покачал головой одобрительно, – за такую карту я с удовольствием заплачу но к ней должно прилагаться подробное объяснение.

– Конечно-конечно! Что интересует доброго господина?

– Мне нужно добраться до Скирота.

– Дальняя дорога, господин. Добрые три сотни лиг будет! Это если по тракту, – торговец задумчиво поскрёб в лысоватом затылке. – С хорошей лошадью дней за двадцать управитесь. Если ничего в дороге не произойдёт.

– А если не по тракту? – Шакнир провёл линию напрямик, срезая значительный крюк.

– Ой, господин. Тут Эленвильский лес, – толстяк смешно округлил глаза, – там, говорят, страшные дела делаются! И дорог-то никаких нет почти, так, охотничьи тропки. А в чащу лучше вообще не соваться!

– Почему же?

– Неизвестно, что там, но слухи разные ходят. Кто-то говорит, что древняя магия таится, ещё древнее, чем весь наш мир. Некоторые толкуют о скрытых входах в подземные города Первой расы. Ой, господин, мне даже думать об этом страшно! Там наверняка чудовища, кого только нет! Я не знаю ни одного человека, который пересёк бы Эленвильский лес.

– Сколько я срежу, если пойду через лес? – с напором спросил убийца.

– Опять вы своё, эх! Больше сотни лиг, господин. Но на лошади там не проедете. Только пешком. Думаю, то на это и выйдет.

– Всё ясно. Спасибо. Где мне купить лошадь?

– На конюшнях, господин, – торговец явно испытывал облегчение от скорого окончания разговора. – Они на выезде из Фильта. Там же всегда есть наёмники, если заплатите им, будут защищать в пути.

– Обычно до ближайшего поворота, – улыбнулся Шакнир, – а там они сами превращаются в разбойников похлеще прочих.

– Господину знать лучше, я спорить не буду, – развёл руками толстяк.

– Ещё бы. Всего доброго.

Не дожидаясь ответа торговца, Шакнир покинул лавку и вновь оказался на продуваемой речным ветром улице. Поёжился, надвинул пониже капюшон и направился в сторону окраины

из города. Промозглое раннее утро вступало в права, добропорядочные горожане спешили на рабочие места, принесённая ветром портовая вонь начала перебиваться запахами разогреваемых кузнечных мехов, пекущегося хлеба, бурлящей трактирной похлёбки для самых бедных – её обычно выставляли в большом котле прямо перед крыльцом, и любой желающий за небольшую плату мог черпать своей ложкой сколько душе угодно. Убийца хотел вырваться из этого мутного круговорота как можно раньше – в этом городе, где все были связаны невидимыми нитями, появление странного чужака вскоре начнут обсуждать. Он неплохо отдохнул во время путешествия по реке, и задерживаться дольше не было необходимости.

Воспринимая окружающий мир через запахи в большей степени, чем обычный человек – этому Серых учили почти в первую очередь – Шакнир заранее ощутил, что конюшни неподалёку. Доносящиеся с них крепкие ароматы навоза и лошадиного пота перебивали даже рыбный смрад, тем более что убийца с каждым шагом удалялся от Жёлтой реки и приближался к окраинам.

– Лучшие лошади во всём Филте! Отличные, крепкие, рабочие! – парнишка голосил на подходе к конюшням, зазывая в основном крестьян, спешащих со своим скарбом на рынок. – Больше не придётся тащить на себе! Будете как господа, на повозке ехать!

– Эй, юный лошажник, – позвал его Шакнир, – подойди-ка.

– Чего угодно господину? – парнёк встал чуть в стороне, опасливо косясь на ножны на поясе. – Я вас здесь раньше не видел.

– Лошадь мне нужна. Ходкая, чтобы могла идти долго и не уставать.

– Лошади-то есть, а вот платить-то чем будете? – парень скептически осмотрел потрёпанный дорожный балахон убийцы. – Дядька вчера в себя влил, сейчас болеет лежит. Если за просто так его дёргать буду, вожжами мне всыплет.

– Это подойдёт? – Шакнир извлёк из внутреннего кармана перстень с рубином, оставшийся от покойного дознавателя Игнация Вартана. Глаза паренька округлились – на него можно было купить не одну лошадь, а минимум три.

– Настоящий? – робко поинтересовался он.

– Ещё бы, – подтвердил Шакнир.

– А хозяин за ним не явится сюда? – алчность и страх боролись в парнёке, и на лице отражалась вся нехитрая гамма чувств.

– Не явится. Могу тебя заверить.

– Тогда я мигом, – парень развернулся и стремглав бросился к конюшням, Шакнир неспешно направился следом, старательно обходя грязные лужи и навозные кучи.

Спустя полчаса, когда хранящий на лице следы вчерашних возлияний конюх убедился в подлинности перстня, а мальчишка вывел под уздцы крепкую лошадь под простым седлом, Шакнир наконец покинул город. Безуспешно стараясь не задеть никого из потока крестьян, под угрюмый их бубнёж, он выехал на мощёный грубым серым камнем тракт. Первые капли дождя тонкими штрихами расчертили хмурое серое небо, и казалось, что даже они немного пахнут рыбой. Похожие на нахохлившихся птиц стражники, старающиеся обеспечивать подобию порядка хотя бы на въезде в город, прятались от мутной небесной влаги под рваными дерюгами, стараясь оставлять сухими голову и ноги. Убийца аккуратно тронул пятками бока лошади, и умное животное припустило бодрой рысью, унося всадника подальше от бестолковой толчи усталых невзрачных людей. На расстоянии дневного перехода, судя по карте, располагался небольшой посёлок Змеиный Камень, и Шакнир планировал остановиться на ночлег там.

Дорога проходила спокойно. Оживлённый тракт, ведущий в один из крупных торговых портов Империи – Филт – был забит пешими, всадниками, повозками крестьян, дорогими экипажами, сумасшедшими проповедниками, аферистами всех мастей, побирушками, искате-

лями счастья, в общем, теми, кто постоянно курсирует по Империи, стараясь найти личную выгоду и не может усидеть на одном месте. Наёмники, охраняющие торговые караваны, на этом участке пути позволяли себе немного расслабиться, убирали подальше оружие, некоторые снимали кольчуги и кожаные кирасы – тракт патрулировался вояками из Императорского конного корпуса. Почти на всём протяжении тракта к нему лепились поселения, деревушки, трактиры и постоянные дворы, предлагавшие путникам всё, что угодно, кроме запрещённого законом. Шакнир, скрываясь от моросящего дождя под низко опущенным капюшоном, не привлекал к себе внимания – ещё один серый всадник в числе многих таких же, похожих друг на друга, как две капли воды.

К вечеру, как и было запланировано, Шакнир достиг Змеиногo Камня – небольшого рабочего посёлка, выросшего вокруг малахитовой шахты. Население его составляли преимущественно суровые трудяги-мужики и их семьи. Будни местных жителей были просты – жёны и дети старше пяти лет возделывали огороды, мужья работали в шахтах на благо Императора и его казны за небольшую зарплату, по вечерам отдыхали, распивали брагу и распускали сплетни. Впрочем, никто не жаловался – шахта существовала уже несколько десятков лет, и рутина вошла в привычку. Редкий житель Змеиногo Камня находил в себе силу и смелость разорвать круг и отправиться искать лучше жизни, да и заканчивалось это чаще всего плачевно – обычно беднягу прирезали в нескольких лигах от посёлка, там, где заканчивались маршруты патрулирующих окрестности стражников. Из развлечений в посёлке имелись изредка проходящие странствующие барды и мимы, небольшой магазинчик, торгующий всем на свете, да постоянный двор, где каждый мог выпить крепкой сивухи, а путник имел возможность снять одну из двух бедно обставленных комнат.

Всё это рассказал Шакниру сам трактирщик, немолодой крепкий мужчина по имени Рот, имевший в наличии лишь одну руку из двух положенных – правую. Левую ему придавило камнем в шахте, уже лет десять назад, после чего Рот, сумевший скопить небольшое состояние за время работы в шахте, выкупил у предыдущего владельца постоянный двор и привёл его в порядок, превратив заведение из откровенно ужасного в посредственное. Лениво и небрежно побеседовав о местных нравах и перекусив варёным мясом и жухлыми овощами, Шакнир, поблагодарив трактирщика, поднялся в комнату и прилёг на жёсткую деревянную кровать, застеленную старым, но аккуратно заштопанным матрасом из мешковины с овечьей шерстью внутри. Скучная обстановка не смущала Шакнира – он, бывало, спал и в гораздо худших условиях.

Уже под утро, когда даже самый бдительный сторожевой пёс начинает засыпать, в коридоре слышались шаги. Шакнир проснулся когда двое неизвестных поднимались по лестнице, но лежал, не открывая глаз, дыша глубоко и ровно, всем своим видом показывая, что крепко спит. Щёлкнул дверной замок – кто-то открыл его ключом, не отмычкой; учитывая, что ключ аккуратно висел на гвоздике внутри комнаты, это мог быть только дубликат, хранившийся у трактирщика. Шакнир не удивился – обворовать одинокого путника, рискнувшего остановиться в захудалом посёлке, было делом обычным. Он лишь колебался между двумя вариантами: с одной стороны, ему хотелось узнать, что за заклятие Азат наложил на мешочек с его богатством, с другой – убийца очень не любил, когда кто-то роется в его вещах, предпочитая сразу отбивать у глупцов такое желание. Шакнир едва-едва приоткрыл правый глаз, чтобы в слабых предрассветных сумерках разглядеть вошедших.

Их было двое, мужчина и женщина. Мужчина стоял со странным изогнутым клинком в руке, что не понравилось Шакниру – воры не вытаскивают ножи, когда хотят что-то украсть. Пожалуй, оправдались самые худшие ожидания убийцы – его собирались не обворовать потихому, а прирезать и бросить в ближайшую выгребную яму.

Женщина, небольшая, худенькая и гибкая, скрывающая лицо под повязанным платком, протянула руку и забрала нож из рук мужчины. Шакнир напрягся, как пружина, готовый в

любой момент начать действовать. Он уже видел, что мужчина слегка припадает на правую ногу, а значит, это его уязвимое место. Женщина наверняка будет делать ставку на ловкость и быстроту, не зная, что Шакнир в бою двигается в два раза быстрее, чем обычный человек, и в полтора – чем хорошо натренированный боец Императорской гвардии.

Женщина, ступая едва слышно, направилась, однако, не к самому Шакниру, а к его вещам – распахнула дорожную сумку, быстро опустила туда нож и развернулась к двери. Убийца решил, что ждать более нельзя, а уж тем более – позволить втягивать себя в какие-то непонятные игры. Он вылетел из кровати, одним рывком достиг женщины и сбил её с ног ударом в колено. Мужчина, среагировавший на удивление быстро, достал из-за пояса небольшой самодельный кистень, вроде тех, что использовали в уличных драках мелкие хулиганы, и попытался замахнуться, одновременно громко выкрикнув «Стража!» Шакнир уже был возле него, пригнувшись, ударил левой рукой в правую ногу (действенный приём из-за своей неожиданности, так его учил Аалейт; никто никогда не думает, что в ногу будут бить рукой). Мужчина охнул и пошатнулся, Шакнир же, поднимаясь из полуприседа, мощным ударом снизу вверх выбил из него дух. Крупное сильное тело рухнуло на деревянный пол, кистень выпал из ослабевших рук. Он придёт в себя через четверть часа, но Шакнира тут уже не будет – разбираться, что случилось, убийца не хотел, у него были свои дела, поэтому надо было собираться. Развернувшись, он ударил поднимающуюся с пола женщину пяткой в висок, отправив в беспамятство, и быстро оделся, не забыв плотнее приладить к поясу спаренные ножны с двумя кинжалами.

По лестнице загрохотали три пары тяжёлых сапог, и в коридоре показалось трое стражников, вооружённых алебардами. Шакнир, оценив их пришёл к выводу, что ему хватит и трёх секунд на всех – ничего глупее, чем тащить с собой алебарды в длинный узкий коридор, нельзя было придумать. Но пока Шакнир решил попытаться уйти с миром.

– Ты... Эта... В убийстве, короче, по-до-зре-ва-ешь-ся, – выступивший вперёд стражник выговорил по слогам это не самое сложное слово.

– Уважаемый, ты что-то перепутал, – Шакнир был сама любезность, – они не мертвы, просто без сознания. Воры, что вломились к честному человеку и пытались украсть имущество.

– Эта... Так убили-та наемни Креза... Вот, ты-та его и убил. И оружие у тебя, уверен, где-та спрятано.

Шакнир холодно улыбнулся стражникам; те слегка отпрянули. В ледяных глазах Шакнира разгорался огонь смерти. Нехитрый план стал вдруг понятен убийце.

Надо сказать, что Император, ярый законник, требует соблюдения всех предписаний и честного расследования преступлений; говорят, что он хочет войти в историю правителем-реформатором, принесшим Империи процветание, покой и стабильность. Как и всё новое, реформы встречают противодействие, ведь простые стражники из таких вот затерянных селений никогда не слышали ни о чём таком. Всё осуществлялось по народному суду, а чаще и по произволу тех, кто сильнее; редко какой староста мог навести порядок в своей деревне. В городах ситуация была лучше, но ненамного. Один из указов должен был положить конец беззаконию – спустя годы прений и препирательств миру был представлен Императорский прокурорский корпус. В каждом городе, селе или деревне теперь был свой прокуратор, страж порядка и правосудия. В больших городах их было много, обычно по одному на район, в провинции же, напротив, один на несколько деревень, порой отстоящих друг от друга на значительном расстоянии. Но суть была одна: прокуратор оказывался выше стражи, старосты и даже народного схода, обладал большой властью, а взамен обеспечивал строгое соблюдение законов Империи и справедливые расследования всех мало-мальски значительных происшествий. Всё это было хорошо, но только на бумаге.

Реальность же, как обычно, отличалась от написанного. Прокураторов зачастую набирали из местных жителей, на скорую руку обучая премудростям ведения расследований. Очевидно, что в таком случае прокураторы оказывались крепко связаны родственными и дружескими

узами с жителями, да и уровень подготовки оставлял желать лучшего. Когда стала понятна ущербность системы, было решено стараться обучать прокураторов в больших городах, после рассылая по всей необъятной Империи. Но возник целый ряд других проблем: никто не хотел уезжать из большого города в деревенскую глушь, а всё-таки оказавшись там, прокуратор очень долго вникал в запутанные взаимоотношения селян, почти всегда подпадая под чьё-либо влияние. Редко когда прокуратору удавалось заработать репутацию и авторитет и заставить прислушиваться к своим словам – обычно они или мягко встраивались в существующую общину, занимая своё маленькое место, или старались запугать деревенских жителей тем или иным способом. При этом всеми силами стараясь выслужиться перед высоким начальством.

Отсюда и рождались ситуации, подобные той, в которой оказался Шакнир. Бедного неизвестного Креза наверняка зарезали свои, но мало кому хотелось поднимать ил со дна болота. Поэтому Шакнир, одинокий путник, на первый взгляд небогатый и простой, оказался как нельзя кстати. Кривой нож лежит у него в сумке, а значит, других доказательств и не требуется. Прокуратор наверняка уже пишет торжествующее донесение о поимке убийцы несчастного шахтёра, или кто он там.

Однако в идеальном в своей прямоте плане был один серьёзный просчёт: длительные остановки в захудалых рабочих посёлках не входили в намерения Шакнира, поэтому он, продолжая улыбаться, положил руку на рукоять кинжала.

– Эй! Руки-та убери! – стражник явно заволновался и грозно потряс алебардой. Шакнир сделал неуловимое, почти танцевальное движение вправо, вмиг оказавшись возле стражника, и приставил вдруг оказавшийся в левой руке кинжал к горлу, правой крепко схватив стражника за волосы на затылке. Остальные двое застыли на месте, не зная, как реагировать, и явно испугавшись. Шакнир, чувствуя их липкий зловонный страх, не стал дожидаться, пока они отойдут от первого недоумения, и заговорил ясно и чётко, чтобы дошло даже до самых тугодумов:

– Я никого не убивал. Вам это прекрасно известно. Я прибыл только вечером. И мне надо уезжать. Я мог бы перебить всех вас за три секунды, но я не стану делать этого. Сейчас вы уйдёте, утащив своих дружков, а я соберусь и уеду.

– Эта, мы здесь власть, ясно? – тот, которого держал Шакнир, оказался не из трусливых, пришёл в себя довольно быстро и даже попытался дёрнуться в крепких руках убийцы. Шакнир, не церемонясь больше, легко взмахнул кинжалом, и половина мочки уха упала на деревянный пол. Правой рукой убийца сильно толкнул стражника вперёд, тот налетел на своих товарищей, и они, звеня алебардами и надетыми кольчугами, рухнули на пол, едва не покотившись с лестницы. Лицо самонадеянного храбреца заливала кровь. Шакнир очень любил резать уши – такие раны особенной опасности не представляли, но были кровоточащими и весьма болезненными, что у многих отбивало охоту к сопротивлению. Стражники неуклюже пытались подняться, путаясь и переругиваясь, Шакнир же тем временем, не убирая с лица зловещую улыбку, прочертил кинжалом на деревянном полу прямую линию. Когда они, наконец, сумели встать на ноги (первый стражник зажимал ухо и явно потерял львиную долю своего боевого настроения), убийца, пристально посмотрев каждому в глаза, коротко бросил:

– Повторяю ещё раз. Мне нужно ехать. Что я сейчас и сделаю. Каждый, кто переступит за эту линию, будет убит.

С этими словами убийца спокойно развернулся спиной к стражникам и зашёл в свою комнату. Слуги закона неуклюже топтались на месте, не решаясь нарушить границу, Шакнир же подхватил дорожную сумку с пожитками и пошёл вниз по второй лестнице, предварительно швырнув к ногам стражников тот нож, что ему подбросила женщина.

На первом этаже за стойкой вибрировал трактирщик Рот, не похожий сам на себя. Вечером он казался спокойным и уверенным, сейчас трясся, подобно листику на ветру, и на глазах белел. Шакнир остановился, устало оперся на стойку и посмотрел на хозяина постоянного двора с нарочитым презрением:

– Там, где я вырос и учился, разного рода наводчиков убивали сразу. На месте. Но я не стану делать этого, не трясись. Скажи мне только – зачем? Утром я заплатил бы тебе вдвое больше, чем ты бы попросил.

– Господин, поймите, у нас позавчера убили Креза, – промямлил Рот.

– И вы решили свалить всё на случайного путника? – тонко улыбнулся убийца. – Тебе кажется это очень умным, не так ли? Наверняка и свою долю получаешь, а?

Стражники, наконец решившиеся сдвинуться с места, с шумом и топотом спустились вниз, прислушиваясь теперь к разговору и, как прежде, не зная, что предпринять. Рот наклонился ближе к Шакниру:

– Поймите, господин, тут этот Эримарк... Это он всё!

– Кто это?

– Ну, он из Императорского прокурорского корпуса, – немного осмелев, пояснил трактирщик. – Ронан II Килкит, да будет он жить долго и счастливо, хочет жизнь простых людей лучше сделать. Дело-то хорошее, конечно. Вот, у нас Эримарк теперь прокуратором. Он, значит, следит, чтобы невинных в ямы не сажали да плетью не пороли. Поначалу ничего он казался, сразу видно: столица! Вежливо общался с нами. Да только чем дальше, тем хуже. В узде нас всех держит, произвол творит, невинных в кандалы вгоняет. Но умный, гад, наших не трогает, а то его бы зарубили давно по-тихому. Вот так и получается, что въезжают-то в Змеиный Камень все, но некоторые не выезжают... У него и прислужники есть, вроде стражи, оттуда же, пятеро. А главное, – трактирщик сделал страшные глаза, – магией он владеет!

– В действительности ничего выяснять он не хочет, – покачал головой Шакнир. – Так?

– Так, господин, – судорожно закивал трактирщик. – Ссориться с местными ему не с руки, посему я посылаю мальчика каждый раз, как кто-то комнату снимает, с докладом: кто, как прибыл, во что одет, такое всякое. Уж двоих он этак. Одному за воровство плетью тридцать ударов назначили, так он, болезный, на двадцатом дух испустил. Второго отправили куда-то в Скирот, кажется. И господин Эримарк даже удостоился грамоты с печатью Императора, гонец к нам приезжал. Не серчайте, господин. Эримарк сказал, что проклянёт меня, и я сохнуть стану день ото дня, ежели не буду поручения его выполнять. А я и так однорукий, кое-как тут управляюсь, и сохнуть мне совершенно нельзя – кто за трактиром смотреть будет тогда?

Шакнир выслушал историю со всем вниманием. Он не стремился оправдать несчастного однорукого Рота, однако и не возлагал на него всю вину. Несчастный малообразованный калека, который хочет жить – пусть даже ценой подлости. Боится магии, значка Императорского прокурорского корпуса, плетей, всего на свете. Но что касается господина Эримарка, имперского прокуратора... Здесь Шакнир посчитал нужным вмешаться. По большому счёту, ему не было дел до жизни Змеиного Камня, да и борцом за справедливость Серый никогда себя не мнил. Он мог бы просто уехать дальше, оставив местных самих разбираться со своими проблемами и махнув на них рукой. Но усвоенные с детства принципы, непреложные и непоколебимые, давали о себе знать.

В клане нечестных карали. Серые были убийцами, но они всегда смотрели в глаза и сходились лицом к лицу, давая право защищаться. Убийство из тени считалось позором – в тених можно красться, скрываться, подбираться к Цели, но не убивать. Серые с презрением относились к убийцам, что предпочитали подсыпать яд в бокал или вонзить кинжал в спину, но не лезли в их дела. Иначе обстояло с подлецами, предателями и теми, кто пользовался чужой слабостью и незащищённостью в угоду своим прихотям: таких людей Серые могли покарать просто так. Лишь потому, что всей своей жизнью они противоречили устоям клана.

Прислушавшись к тому, что говорит внутренний голос, взвесив все «за» и «против» и решив для себя эту маленькую дилемму, Шакнир повернулся к стражникам и в очередной раз широко улыбнулся им:

– Отведите меня к господину Эримарку. Я, грозный убийца доброго малого Креза, готов сдаться властям.

Господин Эримарк, прокуратор второй категории с полномочиями оранжевого уровня, сидел в своём кабинете и составлял доклад скиротскому начальству. Его он планировал отправить почтовым голубем через день-другой, когда допишет подробности суда над убийцей местного шахтёра Креза. Шахтёра, очевидно, пырнули свои же, не поделив что-то в пьяном угаре, однако господин Эримарк предпочитал не ссориться с местным населением. Мало кто доброжелательно воспринял императорский указ, отменяющий понятие самосуда вовсе и обязующий проводить расследования по каждому нарушению закона. И уж тем более никто не обрадовался чужаку в этом богами забытом посёлке – пришлых тут вообще не любили, а тем паче тех, кто представлял власть. Местный староста Абелард, высокий седой мужчина, бывший шахтёр с благородным именем и низайшим происхождением, скептически отнёсся к врученной ему господином Эримарком грамоте, однако закон предпочёл не нарушать и покорно подчинился, предоставив прокуратору всё необходимое. Совсем иначе повёл себя Винфрид Маут, командир стражи – только после открытых угроз и демонстрации магических способностей (очень и очень слабых, но всё же) Винфрид нехотя согласился признать главенство прокуратора. Формально командир стражи состоял в Императорском внутреннем корпусе, однако служил здесь уже добрый десяток лет и мало чем отличался от коренных жителей – уважал традиции и обычаи шахтёров, прислушивался к мнению старосты, опасался живущую чуть в отдалении знахарку – неперменный атрибут каждого посёлка – исполняющую те же функции, что в крупных просвещённых городах были отданы обученным лекарям. Господин Эримарк, считавший себя человеком образованным, сначала относился к старушке с жалостью и презрением, но после того, как на пятый день у него прихватило от местной пищи живот, побежал к ней сломя голову за отварами и травяными настоями.

Со временем прокуратор привык к еде, чего нельзя сказать о всепоглощающей местной скуке – каждый день Эримарк просыпался с мыслью о том, что начался ещё один скверный день в этом захолустье. Скука была похожа на пыльное серое одеяло, душное и беспросветное, не опасное для жизни, но давящее днём и ночью. В Змеином Камне не происходило решительно ничего, кроме мелкого воровства и пьяных драк, и за то, что он проходит службу в забытом всеми шахтёрском посёлке, прокуратор проклинал начальство, богов, судьбу и даже самого Императора. Скука грозила рано или поздно свести с ума, Эримарк начал прикладываться к бутылке дрянного пойла всё чаще, и в пьяных мечтах своих фланировал по центральным улицам столицы в ярком камзоле с нашивками Корпуса, играючи разоблачая злодеев и кружа головы дамам. Вероятно, так бы всё и продолжалось, и однажды прокуратор сгинул бы в пучине провинциальной тоски, если бы не один случай, что произошёл спустя полгода после назначения.

Как-то ночью случилась кража: у одного из местных стянули фамильную ложку (Эримарку было смешно, что дремучие люди так ценят простые столовые приборы, но внешне он казался вполне серьёзным). Конечно, сделал это кто-то из своих – сосед по шахтёрскому забою или один из промышлявших в Змеином Камне местных воришек – но прокуратор по своему обычаю не вникал в дело слишком глубоко. Как раз в это время в таверне остановился какой-то непритязательный доходяга, путешествующий в столицу с абсолютно неясной целью в полном одиночестве. По виду он напоминал одного из тех жучков, что вечно вращаются на дне общества, стремясь занять хоть какое-то место в преступной иерархии, но, не имея способностей сделать это, довольствуясь мелкими поручениями и осознанием собственной мнимой важности. Прокуратор увидел его лишь раз, всё понял, и в голове у него сложилась воистину гениальная схема. Двое аборигенов, бывшая воровка Бинди и её любовник здоровяк Клайд, за небольшую сумму согласились помочь: ночью пробрались на второй этаж трактира и испач-

кали глиной сапоги постояльца. Следом вошла личная стража прокуратора, господин Эримарк путём нехитрых умозаключений установил, что такая же глина есть возле дома бывшего владельца фамильной ложки, и доходягу приговорили к тридцати ударам плетью. То, что никакой фамильной ложки в его вещах обнаружить не удалось, прокуратора совершенно не смутило – он выдвинул предположение, что постоялец успел спрятать её или пропить, отдав кому-то из местных жителей. Несмотря на слабые возражения пострадавшего шахтёра, отчаянные вопли доходяги, сомнительные взгляды старосты и открытого презрения Винфрида Маута, приговор был приведён в исполнение.

К всеобщему несчастью, здоровье не позволило наказуемому выдержать все тридцать ударов, и бедняга скончался на глазах у посёлка, но тут вины Эримарка вроде и не было – ведь никто не виноват, что человек оказался столь слаб, не так ли? В столицу ушёл торжествующий рапорт за подписью прокуратора и двух свидетелей из числа его прихвостней, Эримарк ради такого случая откупорил бутылку приберегаемого хорошего вина и крепко задумался. Схема ему понравилась, и вскоре представился ещё один случай – так как в Змеином Камне долгое время ничего путного не происходило, случайный полунищий путник был обвинён в государственной измене (соответствующее письмо от сообщников нашли в его рюкзаке) и под стражей отправлен в Скирот. Вскоре пришла расцвеченная вензелями и печатями благодарность Императорского прокурорского корпуса, и господин Эримарк окончательно вошёл во вкус. Удача, словно только и ждала, пока умник-прокуратор её оседлает, решила осыпать его дарами – аккурат после убийства Креза в посёлке остановился очередной странствующий одинок. Прокурор навёл справки – проезжающий мужчина не выглядел ни богатым, ни знатным, ни даже семейным. Скорее всего, очередной авантюрист без племени и рода, которого никто никогда не хватится.

Поэтому господин Эримарк оставил в рапорте пустое место, где планировал вписать имя преступника и то наказание, к которому он будет приговорён. Прокуратор был уверен, что эффективность на новом месте вскоре будет оценена, и его заслуженно переведут куда-нибудь, где жизнь не столь уныла и пресна – может, в крупный город, а может даже в сам Скирот.

Стук в дверь раздался внезапно, вырвав прокуратора из сладких мечтаний о мощёных скиротских улицах, шумных весёлых кабаках и доступных мягких женщинах. Это была ещё одна неприятность: местными господин Эримарк брезговал, но выбора ему никто не предоставлял; прокуратор страдал, иной раз не выдерживал, срывался и тащился верхом целый день, дабы добраться до Фильта и сполна насладиться запретными удовольствиями, что дарит портовый город всякому страждущему. Обычно прокуратор возвращался из таких поездок со смешанным чувством удовлетворённости и смутного щекочущего беспокойства.

Голос стражника из-за двери, хриплый и дребезжащий, почему-то показавшийся господину Эримарку слегка испуганным, выпалил скороговоркой:

– Господин прокуратор, мы эта... Преступника поймали.

Дверь почти сразу со скрипом отворилась, и в сопровождении стражи в комнату вошёл черноволосый голубоглазый мужчина в простом дорожном балахоне. Прокуратор поднялся с места и подошёл почти вплотную к черноволосому. Тот стоял спокойно и ровно, не двигаясь с места и насмешливо смотря сверху вниз пронзительным взглядом льдистых глаз.

– Так, хорошо, очень хорошо... – господин Эримарк усмехнулся в жидкую светлую бородку. – Наверняка и улики нашли? Помните, я вас учил – улики, свидетели, алиби? – он был невысокого мнения об умственных способностях стражи, однако надеялся, что азы нелёгкой службы прокураторов в состоянии усвоить даже неотёсанные дуболомы, умеющие только махать алебардами.

– Эта... Ну, нож у него был... Мы эта... Пойдём, да? – Стражник был явно чем-то обеспокоен, но господин Эримарк не придавал этому значения.

– Пусть все идут, а ты – как тебя? Матей? – ты останься. Вдруг он буйный.

Стражник сделался блее мела и судорожно сглотнул. Остальные поспешно ретировались, оставив своего старшего отдуваться за всех. Прокуратор обошёл вокруг неподвижного, как столб, черноволосого, похожий на покупателя, выбирающего коня на ярмарке. Их учили, что такие перемещения вводят в состояние нервозности преступников, но черноволосый даже бровью не повёл. Господин Эримарк слегка забеспокоился – обычно все начинали оправдываться и лепетать, что они ни в чём не виноваты, этот же странный тип будто вообще не замечал прокуратора. Решив взять ускользающую с каждой секундой инициативу в свои руки, Эримарк задал первый вопрос:

– Назови своё имя, преступник.

– Меня зовут Шакнир. В некоторых кругах я известен как Мертвец, – спокойно и ровно ответил черноволосый.

– Мертвец? Оригинально, оригинально... Бандитская кличка? – прокуратор угрожающе, как ему показалось, усмехнулся.

– Скорее, почётное прозвище, – Шакнир не повёл и бровью, стоя столь же прямо и неподвижно. На лице его, напоминающем белокаменную маску, жили только тонкие шевелящиеся губы и пронзительные голубые глаза.

– А фамилия твоя какова, а? – господин Эримарк усилил напор, стремясь возвратить допрос в привычное для себя русло, где один – грозный хозяин, а другой – трясущийся от страха за свою шкуру преступник.

– Фамилию свою я давно забыл, господин прокуратор.

– А! – прокуратор поднял палец вверх, явно довольный. – Значит, и документа у тебя никакого нет?

– Документа нет, – Шакнир чуть пожал плечами – кажется, это был первый его жест с того момента, как он неподвижно встал посреди комнаты.

– А разве ты не знаешь, что каждый житель Империи по недавнему указу светлейшего нашего Императора, да будет правление его долгим и благополучным, обязан иметь паспорт? Там должны быть записаны имя, фамилия и род занятий.

– Я не из Империи. Прибыл из Альтерии не далее как день назад.

– Это, конечно, меняет дело... – господин Эримарк пожевал губы в раздумье, – но ты всё равно обязан соблюдать законы Империи и не убивать просто так честных её подданных! Отвечай, каков твой род занятий?

– Я убийца, господин прокуратор. Убиваю людей за деньги, – Шакнир сказал это спокойным и ровным тоном, не вызывающим никаких сомнений. Эримарк сначала опешил, но после едва не подпрыгнул на месте от радости – он поймал убийцу! Настоящего! Попал в десятку! И, конечно, прокуратор не заметил, как не выдержавший нервного напряжения стражник выскользнул-таки за дверь, оставив его наедине с Шакниром.

– Ну что, убийца... Зачем ты лишил жизни простого шахтёра Креза, а? – прокуратор трепетал; он уже чуял запах скиротского вина, видел роскошную громаду императорского дворца, слышал звон монет, ударяющихся о стойку трактира. – Крез был хорошим парнем! Кто тебе заплатил за него? Кого ты ещё убил? А?

– Я не убивал никакого Креза, господин прокуратор. И тебе это прекрасно известно. Но я намерен убить тебя.

– Что? – Эримарк был настолько уверен в собственной неуязвимости, которую даровал знак Императорского прокурорского корпуса, что даже не сразу понял, о чём говорит черноволосый убийца.

– Убить, господин прокуратор. Твоя вина не вызывает сомнений. Я уже представился. Теперь мне нужно предоставить тебе право выбора оружия для защиты, – Шакнир говорил спокойным будничным тоном, будто о тяжёлой, изрядно поднадоевшей, но привычной работе.

– Ты что, убийца? С ума сошёл? – господин Эримарк до сих пор не мог поверить, что весь разговор происходит всерьёз. Но лицо Мертвеца, неподвижное в дрожащих бликах масляных светильников, не оставляло сомнений – он действительно убьёт его. – Стража! Стража!

– Они не придут. Мне пришлось сказать им, кто я такой. К сожалению. Но теперь они и близко не подойдут к этому дому, прокуратор. А ты сейчас понесёшь наказание за все свои злодеяния. Повторю в последний раз – чем будешь защищаться?

В повторении не было нужды – прокуратор отпрыгнул к стене и выхватил изогнутый короткий клинок, встав в боевую позицию. Шакнир, окинув взглядом противника, вынужден был признать, что занял он её неплохо – чувствовалась какая-никакая подготовка, явно лучше, чем у местной стражи. Левой рукой прокуратор отчаянно пытался сотворить какие-то знаки, не осознав пока главного...

– Твои камни ким пусты, прокуратор, – Шакнир позволил себе улыбнуться. – Пока ты распинался передо мной, я вытянул из них всю энергию Шом. Самая простая в освоении и управлении, поэтому ты её всегда выбирал, да? Возможно, теперь ты поймёшь, что надо было быть чуть более старательным.

Господин Эримарк уже и сам почувствовал то, о чём говорил убийца – его камни оказались вычерпаны до дна, а сконцентрироваться и прорваться через магическую защиту камней противника прокуратор не смог. Он не нашёл ничего лучше, как броситься вперёд и попытаться вновь позвать стражу. Успев выкрикнуть первый слог, прокуратор почувствовал, как язык вдруг перестаёт ему подчиняться, становясь тяжёлым и неподвижным, будто кусок камня. Убийца, сделав несколько простых движений, использовал одно из самых лёгких заклинаний Шом – Молчание. Господин Эримарк всегда рассматривал его как забавную шутку, однако сейчас с опозданием понял, насколько эффективно может быть Молчание, применённое в нужном месте в нужное время.

Шакнир сделал лёгкий шаг в сторону прокуратора, подъёмом стопы поддел ступню противника, сбил его с ног и резко опустил сапог из мягкой кожи на руку, державшую клинок. Хрустнули кости, глаза прокуратора вылезли из орбит, но даже закричать, чтобы хоть немного ослабить боль, он не мог. Убийца вытащил излюбленные парные кинжалы из чёрной стали и одним из них пронзил придавленную руку точно между локтевой и лучевой костями, пригвоздив прокуратора к полу. Господин Эримарк забился в безмолвных судорогах, ещё больше разорвав кожу и мышцы об остро наточенный клинок, пытаясь свободной рукой выдернуть кинжал, глубоко засевший в досках пола. На штанах прокуратора расплылось влажное пятно; теперь он совсем не походил на того самоуверенного имперского служащего, которым был несколько минут назад. Шакнир склонился над обливающимся слезами противником, голубоглазый, бледный, действительно похожий на мертвеца:

– А ты думал, расплаты за две невинно загубленные души никогда не будет? Молись, прокуратор, тем богам, которых считаешь.

Выждав ещё десяток секунд и безразлично глядя в округлившиеся от ужаса глаза господина Эримарка, Шакнир одним движением перерезал прокуратору горло. Хлынула горячая кровь, слегка забрызгав любимые сапоги, и убийца брезгливо обтёр их краем одежды прокуратора. После, вынув кинжалы и протерев их найденными тряпками (кажется, это когда-то было шёлковой расшитой рубахой), Шакнир вышел из дома, мельком взглянув на затихающие предсмертные конвульсии прокуратора.

На улице убийцу уже ждали трактирщик Рот и местный начальник стражи Винфрид Маут – Шакнир предупредил их обо всём заранее. Винфрид взирал на убийцу с почтением и уважением, но без страха; Шакниру это понравилось.

– Рот, ты оказался жертвой; я не виню тебя. Вот, здесь плата за постой – она, думаю, приятно тебя удивит. – Шакнир протянул трактирщику маленький кусок ветоши, в который был завёрнут некрупный драгоценный камень, по стоимости превышавший пять трактиров. –

Распорядись ею с умом. Господин Маут, моё почтение. Я безмерно сожалею о том, что мне пришлось покарать господина прокуратора. Но, как я понял, никто здесь не будет горевать о нём.

– Вы? Убили прокуратора? Нет-нет, что вы, добрый господин, – начальник стражи ухмыльнулся. – Ни для кого не секрет, что в свободное время господин Эримарк любил поохотиться. Наверное, его задрали дикие звери. И обглодали труп. Такое бывает в наших неспокойных местах.

– Благодарю, господин Маут. Вы бесконечно деликатны. Вот, держите – Шакнир протянул начальнику стражи небольшой холщовый мешочек, – здесь десять реалов. Считайте их моим скромным вкладом в развитие Змеиног Камня. Не забывайте и о собственном благе, но не стоит всецело тратиться только на него. Я доступно объясняю, господин Маут?

– О, конечно. Мы всегда заботимся в первую очередь о людях. У них и без того мало радостей в жизни, – голос Винфрида звучал вполне искренне, и убийца поверил. Впрочем, нельзя сказать, что его особенно заботила судьба реалов, однако выгоднее было остаться в памяти местных авторитетов таким жестоким, но справедливым героем романтических баллад. Так меньше шансов, что история с незадачливым прокуратором когда-либо всплывёт наружу. Покрывать все свои действия завесой тайны было скорее привычкой, нежели необходимостью – клана Серых не осталось, и наказать за то, что влез не в своё дело, Шакнира уже никто не мог.

– Хорошего дня, почтенные господа, – Шакнир кивнул Роту, Винфриду и толпящимся поодаль стражникам и запрыгнул в седло. Коня со всем возможным уважением привёл один из подчинённых Маута. – Я вынужден продолжить путь. Надеюсь, со следующим вашим прокуратором всё будет в порядке.

С этими словами Шакнир, на ходу проверив дорожную сумку, двинулся дальше по тракту, оставляя позади Змеиный Камень. Над Империей, разгоняя утренний липкий туман, занимался рассвет.

ГЛАВА 3. Надёжные связи

Два дневных перехода прошли тихо. Переночевал Шакнир у бедного крестьянина, в одной из лачуг, что прилепились к небольшому холму, поросшему диким виноградом. Крестьянин был на седьмом небе от счастья, когда Шакнир вручил ему реал, и даже дал в дорогу две пресные лепёшки и бутылку домашнего вина, без умолку болтая о том, как поедет на ярмарку и купит козу.

К середине второго дня после отбытия из Змеиног Камня тракт вновь начал оживать – убийца приближался к Равену, крупному торговому городу, стоящему на одноимённой реке. Это был последний большой город на пути Шакнира к столице, дальше, судя по карте, вдоль тракта располагались только мелкие городишки, поселения и деревни, да несколько замков знати. Впрочем, как рассказал Шакниру мужичок-торговец, с которым они во время пути поравнялись и какое-то время ехали рядом, дорога та была весьма оживлённой – Скирот, столица Империи, привлекал множество купцов, ремесленников, наёмников, шпионов, жуликов и прочих люд со всех уголков Мораны.

Равен, окружённый высокими каменными стенами, процветал. Достаток заявлял о себе громко и безапелляционно – горожане по большей части были одеты недёшево и даже с неким провинциальным шиком, улицы сверкали новой брусчаткой, а городская стража – начищенным до блеска оружием. Ремесленники и торговцы, дельцы, ростовщики, служащие, головорезы, проныры всех мастей, уличные музыканты, глашатаи, благородные мессеры со спутницами – всё кипело, бурлило, переплеталось причудливым хороводом, завлекало и манило. Шакнир, словно горячий нож сквозь мягкое масло, двинулся вперёд, осторожно, но непреклонно пронзая толпу. Коня он за небольшую плату оставил в стойле в самом начале центральных районов Равена, и теперь двигался пешком, попутно внимательно изучая город, запоминая хитросплетения улиц, расположение домов, трактиров, лавок и присутственных мест. Делая это больше по привычке, он, однако, никак не мог избавиться от ощущения, что в Равене придётся задержаться.

Чем ближе Шакнир подходил к центру, тем более яркими и красочными становились вывески. Написанное красивым почерком объявление гласило, что пивоварня Зальцмана закупила две паровые машины Горных и является теперь самым прогрессивным предприятием в Равене. Таверна «Лось и лебедь» приглашала отведать изысканные блюда из дичи и птицы, «превосходящие всё, что вам доводилось пробовать». К таверне притёрлась контора ростовщика – прокутившие средства игроки и гуляки готовы были взять займы деньги под ломовой процент, намереваясь продолжить веселье, а после по-тихому залечь на дно или вовсе покинуть город; на должников шла извечная охота, и по законам Империи каждый, ввергнувшийся в долги, поступал всецело в распоряжение к кредитору, становясь почти рабом до той поры, пока долг не будет выплачен или отработан. Впрочем, что касалось последнего, на срок отработки были установлены пределы, зависящие от суммы долга, и мало кому удавалось заполучить законного раба надолго.

Шакнир, перекинувшись парой слов с тремя праздно шатающимися подвыпившими горожанами, быстро узнал дорогу до трактира, который ему подходил. Назывался он «Пятачком» – в честь фирменного блюда, копчёных свиных пятак, неизменно подававшихся совокупно с местным пивом. «Пятачок» был местом не самым престижным, но далеко не из дешёвых – в таких обычно останавливались средней руки торговцы, служащие Императорских корпусов и богатые авантюристы, за хороший барыш согласные на любую работу. Здесь не привлечь к себе внимания было проще всего – в гостиницах для богачей каждый второй обычно шпион или доносчик, а в бедных заведениях все завсегдаи знают друг друга.

Когда убийца оставил вещи в просторной светлой комнате на втором этаже и спустился в основной зал, желая поужинать, он понял, что ничьё внимание сегодня привлечь не сможет. В зале сидел представитель расы йорд, некрупный, поросший короткой тёмной шерстью, похожий на человека, но с более вытянутой челюстью, напоминающей собачью морду. Все взгляды были обращены к нему – йорды очень редко выбирались куда-либо, и только для того, чтобы выменять свои диковинные изделия из костей и минералов на что-нибудь полезное.

Раса йорд в полном составе проживала на берегу озера Хамар, самого северного в Империи, являющегося к тому же вторым по величине пресным водоёмом на континенте. Никто не знал, как долго они жили там – все были уверены, что йорды были всегда. Они почти не общались с остальным миром, полностью обеспечивая себя всем необходимым, а если и выходили торговать, то не признавали денежную систему, предпочитая натуральный обмен. Но самым интересным, загадочным, непостижимым и желанным в йордах была их магия.

Люди, Лесные и Горные использовали источники магической энергии четырёх видов – это было известно всем, кто хоть что-то слышал о магии. Несмотря на древние манускрипты, которые рассказывали о том, что магия принимает самые причудливые и неоднозначные формы, а особенно могущественные волшебники могут черпать силу напрямую из Эфира, длительное время большинство древних знаний считались утраченными. Учёные мужи полагали, что магическая изнанка мира стабилизировалась после многих веков потрясений, и теперь иного волшебства, кроме как взятого из источников Оз, Шом, Фай и Лим, быть не может. Однако три сотни лет назад один из исследователей, Шарль Рой Кернье, увлёкся историей и культурой йордов, отрывочные сведения о которых порой проникали в Империю. Шарль буквально бредил йордами, по крупицам собирал знания, записи и свидетельства очевидцев, и однажды выпросил у Императора средства для снаряжения экспедиции. Пройдя через множество опасностей, не будучи уверенным даже в том, что йорды пустят его на свою территорию, Шарль добился своего – йорды, обычно относящиеся к чужакам настороженно, неожиданно приняли учёного и многое ему рассказали. Причины, побудившие их сделать так, остались неизвестными – возможно, йорды решили таким образом обезопасить себя, а может, прозрели что-то в будущем своего народа или самого Шарля. По возвращении в Скирот Кернье сразу начал составлять на основе экспедиционных заметок свой двухтомник, получивший вскоре широчайшую известность и даже поныне считающийся одним из самых полных трудов, посвящённых йордам.

Шарль Рой Кернье узнал невероятные вещи. Каждый йорд с рождения умеет управлять внешним миром. С точки зрения привычной для людей магии, его возможности не ограничены практически ничем; по сравнению с другими расами йорды являются почти богами. Они умеют мгновенно перемещаться в пространстве, управлять силами природы, вызывать дожди, ураганы, землетрясения; любой йорд в один миг может превратить в прах любого человека, зверя и даже скалу. Шарлю казалось, что йорды с лёгкостью читают мысли и видят будущее, однако в этом он уверен не был – а сами отшельники не раскрывали все свои способности. И быть бы йордам самой могущественной расой на всём континенте, если бы не одно «но». Любой йорд расплачивается за невероятное могущество годами жизни – каждое применение силы неумолимо их отнимает. Те, кто злоупотребляет магией, могут не прожить и пары десятков лет, а в самых невероятных случаях, когда требуется управлять колоссальными потоками энергии, йорды стареют и умирают за минуты, прямо на глазах. Так было, когда Император, желая постичь тайны столь могущественного волшебства, направил в земли йордов своё войско, с целью поработить их и заставить служить. Две сотни отборных бойцов Императорской гвардии за несколько секунд распались в прах вместе с оружием и доспехами. Это стоило жизни двум десяткам йордов, но Император, поняв, с какой силой столкнулся, предпочёл вернуть войска в столицу и больше никогда не предпринимал попыток вторгнуться на северный берег

озера Хамар, формально оставив земли йордов в своём подчинении, но фактически разрешив им жить по собственным законам и уложениям.

Размножались йорды плохо, взрослый йорд за неполные сто лет жизни мог вообще не суметь дать потомства – видимо, боги распорядились так, что их магия не имела власти над ними самими. Поэтому йорды дорожили каждым членом своей расы и использовали магию крайне редко, предпочитая охотиться, рыбачить и возделывать землю.

И вот, один из йордов сидел в «Пятачке» и преспокойно ел рыбу, запивая её крепким пивом. Йорда, казалось, совершенно не заботили косые взгляды прочих посетителей, он был всецело поглощён трапезой. Однако когда Шакнир присел за стол и отпил первый глоток поданного услужливой трактирщицей вина, йорд странно покосился на убийцу. Спустя ещё несколько минут, отложив рыбу и отодвинув пиво, йорд, уже не скрываясь, принялся сверлить Шакнира взглядом, в котором, впрочем, не было ни капли угрозы, одно только любопытство. Затем, на десяток секунд прикрыв глаза и подняв голову к потолку, йорд изменился в лице, поднялся с места и направился к Шакниру. Убийца понял, что раствориться и не привлекать внимания уже не выйдет – теперь все смотрели только на него.

Йорд подошёл и остановился, ожидая приглашения. Убийца кивнул на свободный стул напротив себя, всем своим видом стараясь показать, что не особенно доволен компанией.

– Прости, человек, – йорд говорил на общеимперском хорошо, лишь иногда сдваивая гласные – речь йордов состояла из них почти полностью. – Я хоочу поговорить. Меня зовут Ааеайк, но ты можешь звать меня Айк.

– Присаживайся, Айк. Ты и так уже заставил всех смотреть только на нас, что уж теперь, – убийца невозмутимо сделал ещё глоток.

– А каак зовут тебя?

– Шакнир. Можешь звать меня просто Шакнир.

– Шутишь. Я это понимаю, – Айк наклонился над столом ниже, почти к самому лицу Шакнира. От йорда пахло крепким пивом, влажной шерстью и почему-то немного персиками. – Твои руки все в крови. Ты убиваешь.

Шакнир не удивился догадливости йорда – наверняка причиной была их странная магия. Единственное, что смущало Шакнира – зачем Айк пожертвовал часами, а то и днями своей жизни ради того, чтобы узнать подноготную посетителя трактира.

– Может, ты и прав, Айк, – вполголоса ответил убийца.

– Я увидел картину из твоего будущего, Шакнир. Из вероятного будущего.

А вот сейчас йорду удалось немного сбить Шакнира с толку. Он не думал, что подобные рассказы – правда. Будущее всегда представлялось Шакниру чем-то туманным и неопределённым, в фатум он не верил, предпочитая думать, что каждый человек сам творит свою судьбу. Впрочем, слова йорда отчасти подтверждали мысли Шакнира.

– Что значит «вероятное будущее»?

– Будущее, человек, не определено в деталях. Оно имеет несколько вариантов. И то только от тебя зависит, какой из них осуществится, – с готовностью разъяснил Айк.

– Я всегда так и думал, – Шакнир неожиданно для себя заинтересовался беседой. – И какой же вариант видел ты?

– Один из многих. Ты убийца. И сейчас ты имеешь работу. Но не думай, что она простая. Твои действия отразятся на многих и многих.

– Спасибо. Один старик мне уже говорил об этом. Я всё усвоил, – пожал плечами Шакнир.

– Стаарик... Он не так прост, Шакнир. Он честен перед тобой, но я вижу, что он преследует свои цели. Я пока не знаю, какие. Это слишком сложно.

– Айк, уж прости, я уважаю ваш народ и ваши способности к волшебству, но пока ты не открыл мне ничего нового, – слегка недовольно ответил убийца. – Каждый преследует свои

цели. Это очевидно. А то, что мои действия отразятся на многих... Не надо быть провидцем, чтобы это понять.

– Воозьми это, – Айк достал из сумки странный кулон в форме когтя, вырезанный из кости какого-то животного. Кулон был помещён в тончайшую паутину серебряной оплётки, но главное – слабыми своими магическими дарованиями Шакнир чуял в нём скрытую силу. – Однажды он поможет тебе. Я ухожу, чееловек. Желаю удачи.

Йорд поднялся из-за стола и двинулся в сторону выхода, мимоходом положив на свой стол мелкую монету – оплату за ужин – и прибрав в наплечную сумку остатки жареной рыбы. Когда Айк почти покинул трактир, Шакнир окликнул его:

– Постой! Скажи, зачем это тебе?

– Ты можешь послужить нашему народу. Пока я не знаю, как и когда. Но этот вариант очень воозможен.

Закончив фразу, йорд вышел столь стремительно, что следующие вопросы застыли на губах убийцы, так и не произнесённые. Шакнир наскоро доел ужин в компании любопытствующих и недоумённых взглядов других посетителей и поднялся в комнату.

Присутствие постороннего Шакнир почуял сразу. Положил ладонь на рукоять кинжала и осторожно приоткрыл дверь, в любой миг ожидая нападения.

На красивом резном стуле, возле открытого окна, сидел Азат и раскуривал трубку. Шакнир покосился на незваного гостя, убрал руку от кинжала, молча присел на кровать и принялся стягивать с себя сапоги.

– И даже ничего не спросишь у меня? – маг удивлённо поднял бровь.

– Раз ты пришёл, значит, говорить надо тебе. Вот и говори. А я, с твоего позволения, начинаю приготовления ко сну, старик, – хладнокровно ответил убийца.

– Опять ты так меня называешь? – поморщился Азат.

– Вырвалось.

– Твоему спокойствию можно позавидовать... Мертвец.

– Имеешь привычку подслушивать?

– Нет. Я знал это. Как и многое другое о твоей жизни.

– Давно следишь? – Шакнир оставался невозмутим.

– Достаточно. Помнишь Малки?

Шакнир, не сняв до конца штаны, застыл. Имя одного из своих учителей он, конечно, запомнил на всю жизнь. Убийца на секунду прикрыл глаза, восстанавливая в голове штрихи и детали.

...

Шакнир стоял на узком скальном выступе, возвышавшемся над морем, шипящим и терзающим скалы внизу. В руках у него был боевой посох, украшенный сверху металлическим набалдашником. Напротив Шакнира, голый по пояс, расположился коренастый мужичок с точно таким же оружием в широких руках. Тело его было испещрено шрамами и следами ожогов, и это было неудивительно – Малки пережил плен одной из самых жестоких семей Горных. Ходили слухи, что он даже не раскололся, хотя почему его пытали и что именно желали узнать, никто достоверно не знал.

– Запомни! Вокруг нет ничего, – даже воющий ветер не мог заглушить зычный голос Малки. – Есть только мы. Ты и я. Если ты будешь думать о том, как долго падать вниз, ты упадёшь. Если ты будешь обращать внимание на ветер, вырывающий воздух из твоих лёгких, то собьёшь дыхание и проиграешь. Если ты забудешь, где ты, если края этого утёса для тебя станут всего лишь линиями, которые начерчены в нашем тренировочном зале, ты победишь. Поехали!

Не дожидаясь реакции Шакнира, учитель двинулся вперёд. Посох в его руках описывал причудливые круги и зигзаги, металлический набалдашник сверкал, подобно молнии. Шакнир

стоял спокойно и даже, казалось, расслабленно, однако, когда край посоха вдруг полетел в колено ученика, стараясь смять и сокрушить, Шакнир резко подпрыгнул, одновременно, ещё в воздухе, делая круговой замах. Вторым концом посоха Малки отбил удар, и закрутилась схватка – она, хоть и была учебной, вполне могла закончиться смертью одного из них. Такое завершение по правилам клана было нежелательным, но вполне допустимым.

И Малки, и Шакнир двигались чрезвычайно быстро, посохи сталкивались и отскакивали друг от друга, дерево трещало, металл звенел. Спустя минуту противники остановились в паре шагов друг от друга, чтобы перевести дух. Малки, насмешливо взглянув на ученика, вынес свой вердикт:

– Очень достойно. Но ты почти не следишь за спиной, Шакнир. Никогда не забывай, что кто-то может появиться сзади – вот как сейчас, например.

Малки произнёс это столь будничным тоном, что Шакнир помимо своей воли обернулся, на секунду упустив учителя из виду. В следующий миг он почувствовал удар под колени, сделал отчаянную попытку не упасть, взмахнул руками, получил металлическим наконечником по кисти и выронил свой посох. Малки, подскочив, пнул ученика ногой под рёбра, заставив перевернуться на бок, и набалдашиком добавил по копчику, так, что Шакнир вдруг оказался лежащим на животе. Голова Шакнира свесилась с края утёса, далеко-далеко внизу гудело свинцовое море. Между лопаток Шакниру упёрся сапог, и Малки, явно веселясь, сказал:

– И, Шакнир, последнее. Враг всегда хочет тебя обмануть. Всегда. Это то правило, которое ты должен усвоить не хуже шести Заповедей. Поднимайся. Поединок окончен. Если хочешь знать моё мнение, из тебя будет толк. И сейчас можешь мне верить. Я говорю не как противник, а как наставник. Давай, вставай скорее. Обед скоро.

...

Убийца открыл глаза, пристально посмотрев на Азата:

– Конечно, я помню Малки. Такое не забывается.

– Он здесь, Шакнир. В этом городе. Он выжил, один из немногих, после разгрома Серых.

И у него есть информация, важная для твоего Заказа.

Шакнир шёл по петляющим улицам торгового района вслед за магом. Прямо над их головами парил небольшой желтоватый шарик, освещавший дорогу там, где не было масляных фонарей. Торговый район, в центре которого раскинулся пустующий в этот час огромный рынок, а в каменных домах жили преимущественно купцы, упирался в квартал складов. Шакнир хотел бы назвать эту часть города «трущобами», но очень уж она была чистой – Император постановил, что в крупных городах трущоб быть не должно, и несколько лет назад солдаты Императорского внутреннего корпуса здорово прошерстили все мало-мальски значительные селения, безжалостно арестовывая и ссылая на шахты и рудники обитателей неблагополучных кварталов. Преступность, однако, никуда не делась, а лишь видоизменилась, стала более благообразной – об этом свидетельствовал здоровый детина, внезапно отделившийся от стены одного из домов и преградивший им путь. Зверское лицо его, равно как и внушительный нож на поясе, не предвещали ничего хорошего, но, увидев высокую фигуру мага, амбал приветливо осклабился и даже слегка наклонил голову:

– Господин Азат, моё почтение. Господин Малки ждёт вас. Этот тоже? – детина ткнул пальцем-колбаской в сторону Шакнира.

– Да, он со мной.

– Ну-ну, – здоровяк пристально посмотрел на Шакнира, а после, забавляясь, сделал угрожающее движение в его сторону и цыкнул зубом, довольно улыбаясь. Убийца на секунду приостановился, коротко взглянул на душегуба пронзительными голубыми глазами и не отказал себе в удовольствии – невероятно быстрым и ловким движением щёлкнул по мясистому носу.

Амбал, брызнув слезами от неожиданности, отпрянул, схватился за нож, но, поняв, что вступать в поединок смысла нет, отступил, что-то рассержено бубня под нос.

Когда убийца поравнялся с ушедшим вперёд магом, тот недовольно нахмурил брови:

– Шакнир, право слово, что за ребячество?

– Я не люблю, старик, когда всякие прохиндеи так ко мне относятся.

– А если бы он достал нож? Что тогда?

– Неужели в глубине души ты матушка-гусыня? Откуда такая забота о рядовом наёмном убийце? – усмехнулся Шакнир.

– Шутник. Надо было насрать на вас обоих Паралич, полежали бы полчаса, подумали о жизни. Ладно, хватит. Мы пришли.

Маг и убийца остановились перед скучным каменным серым зданием, таким же унылым, как и всё прочее в складском районе. Впрочем, Шакнир опытным глазом уловил и некоторые отличия – узкие окна больше напоминали бойницы, тяжёлая дверь была слишком толстой даже для склада, а лежавшие на первом этаже свёртки парусины и тканей не скрыли от взгляда Шакнира небольшую дверь в углу, возле которой переминался субъект бандитского вида, с небольшим арбалетом за спиной. За дверью оказалась узкая винтовая лестница, приведшая на второй этаж здания.

Тут уже всё было иначе. Обстановку нельзя было назвать роскошной – хозяин, насколько его знал по прошлой жизни Шакнир, излишнюю роскошь не жаловал – однако то немногие предметы мебели, что стояли на втором этаже, явно были исключительно дорогими. Коридор освещали масляные фонари производства Горных – люди ещё не достигли такого уровня мастерства, и сделанные в Империи фонари нещадно чадили и всё время норовили погаснуть, эти же горели ровно, давая мягкий жёлтый свет, который преломлялся в стёклах из горного хрусталя и играл на стенах причудливыми бликами. Застилавший пол ковёр был на первый взгляд невзрачным, но даже Шакнир чувствовал, что каждую составляющую его нить пронизывает волшебство, смертоносное и опасное. Идущий впереди маг подтвердил его догадку:

– Ковёр усеян магическими ловушками. Полный комплект, даже магия Стихий есть.

– Откуда бы?

– Она же не исчезла бесследно, Шакнир. Запечатан только источник. Есть камни ким, оставшиеся ещё со старых времён, они стоят на чёрном рынке баснословные деньги. Есть колечки, амулеты, брошки – всякие безделушки, в которые когда-то давно была вложена сокрушительная сила Оз. Правда, они одноразового применения, но всё равно являются грозной силой. Кроме того, запечатанный источник – единственный на континенте, но на некоторых отдалённых островах есть ещё несколько, а один и вовсе расположен посреди океана. Находятся смельчаки, что отправляются в путь, рискуя всем и вся, и напиваются пустые камни ким энергией Оз. Большинство гибнет, конечно, но бывают и такие, что возвращаются, умудряются скрыться от секретных служб Императора и властителей помельче, а после понемногу продают камни ким, обеспечивая себе безбедное существование. Так что коврик этот стоит гораздо дороже многих других, роскошных и пушистых. Открывай дверь. Малки ждёт тебя.

– А ты? – убийца замер, терзаемый странными чувствами.

– Я не пойду. Мы, думаю, встретимся немного позже. Кроме того, как я могу мешать учителю и ученику общаться после долгой разлуки? – усмехнулся маг.

– Твоя правда, Азат. Спасибо тебе.

– Ты второй раз назвал меня по имени! Этот день я отмечу в своём календаре как праздничный.

Шакнир не нашёлся, что ответить, мысленно признал победу мага в этом раунде их извечной пикировки, и открыл дверь. Из-за стола поднялся коренастый человек с цепкими глазами и широкими ладонями – и это действительно был Малки, живой и почти невредимый, если не считать отсутствующего мизинца на левой руке, чуть постаревший, но и только. Шакнир

постоял секунду у входа, сделал шаг к одному из бывших своих наставников, пожал протянутую руку, а затем крепко обнял Малки.

– Шакнир! Рад тебя видеть. Присаживайся. Вина?

– Не откажусь, – кивнул убийца.

– Всё так же предпочитаешь красное креплёное?

– Безусловно. Удивлён, что помнишь.

– Я помню всё, – буднично ответил Малки. – Пожалуй, присоединюсь. Разговор, чую, предстоит долгий... У меня тут есть сыр и кое-какие овощи. Бери.

Шакнир с удовольствием отпил ароматного рубинового вина из хрустального бокала и закусил мягким сыром, попутно слушая долгий рассказ Малки о его скитаниях после разгрома Серых, периодически задавая вопросы и вставляя свои комментарии. История мало чем отличалась от судьбы самого Шакнира – долгие месяцы Малки прятался, после нанимался на разные работы, стараясь применить многочисленные навыки, но нигде не задерживался надолго. Маскировался, выдавал себя за других людей, снова прятался, и, в конце концов, выправил настоящий имперский паспорт и твёрдо решил начать новую жизнь.

– Вот так вот, Шакнир, я и оказался тут, в Равене, с грузом тканей, – Малки, уже слегка захмелевший, благодушно улыбнулся и отправил в рот очередной сырный шарик. – Я решил прикидываться купцом до последнего, да и надоело мне воевать. Ну, думаю, открою свою лавку, буду продавать помаленьку, найму потом управляющего грамотного, чтобы воровал в пределах разумного, да и жениться даже можно. Что смотришь? – Малки деланно нахмурился. – Я уж в солидном возрасте. Хватит, напрыгался, думаю. Не хотел я больше сам убивать и других учить, богами клянусь! Да только не вышло. Пришли они через неделю, трое, и стали требовать четверть выручки. А у меня выручки-то той было – тьфу! Смех один. Вежливо я их попросил, а самый здоровый взял меня за грудки, да говорит – отдавай, мол, товарами тогда. Дальше рассказывать?

– Мне, в принципе, всё понятно, – улыбнулся Шакнир.

– Ничего тебе не понятно, как был ты сопляком для меня, так и остался, уж прости, – Малки дружески хлопнул рукой-лопатой по плечу Шакнира так, что тот поморщился. – Не стал я их убивать. Но выгнал, конечно, это да, пинками под мягкие места, да наказал, чтобы никогда больше не являлись. Через день пришли другие, уже четверо, те были с оружием, и разговоров вести не стали – напали сразу. Вот их пришлось порешить. Защищался я, так что пятую заповедь не нарушил. Не зазя их убил. Ну, надо было идти, разбираться. Спросил у соседа, что и как – он тоже купцом был, специями торговал, запах у него стоял, ух! Тот поведал, что тут, мол, местный бандит дань со всех собирает. И пошёл я к нему. Богами клянусь, поговорить хотел! А они нападать стали, всей сворой почти накинудись.

– И пятую заповедь ты не нарушил? – Шакнир уже почти хохотал. Вино приятно стучало в голову.

– Не нарушил, не сомневайся. Всё только в целях самозащиты. Разговора, в общем, не вышло как-то. Зато уцелевшие зауважали меня, и пришлось из купцов переквалифицироваться срочно. Я разбой и поборы отменил, стали мы камнями ким торговать, травкой разной, прочими не вполне легальными штучками – рискованно, конечно, таких Император вешает, не раздумывая, в отличие от обычных бандитов, которые могут ссылкой отделаться. Но и барыш пошёл хороший. Ребят своих я натаскал хорошо, мало их было, но один троих стоил, и когда пришли к нам соседи, показать хотели, что их больше и они сильнее, мы их... Сам понимаешь. Как-то оно так и пошло с тех пор. Больше никто особо не приходил, если только под руководство моё просился. Я всех принимал, добрый я человек всё-таки. Но порядок у меня железный!

– Не сомневаюсь. Я же тебя знаю.

– Вот-вот. Ладно, давай о деле теперь, после поболтаем ещё, если захочешь. Маг уже рассказал. Заказ у тебя серьёзный, Шакнир. Очень серьёзный. Сложный, – Малки стал собран

и спокоен, превратившись из болтуна в того наставника, какого Шакнир помнил. – Не берусь судить о четверых, собирай сведения сам, вторую Заповедь надо соблюсти, невиновных не убивать. Но насчёт пятого я помогу тебе. И доказательства у меня тоже есть.

– Кто именно? – убийца посерьёзней.

– Аарон Гальперн. Казначей, смотритель за всеми богатствами Императора. Но сначала – доказательства, – Малки поднялся из кресла, подошёл к массивному рабочему столу и выдвинул один из ящиков. Оттуда он извлёк стопку потрёпанных документов, похлопал по ним рукой, будто призывая оценить толщину стопки. – Впервые я столкнулся с мессиром Гальперном, когда мои интересы в легальной торговле пересеклись с его. Надо сказать, Шакнир, что Аарон похож на паука, нити паутины которого пронизывают всю Империю. Мессир Гальперн имеет интересы практически в каждом крупном городе, нигде не наглея, но всегда зарабатывая свой реал. Он хитёр, осторожен и необычайно умен.

Когда я понял, что влез не туда, – продолжал Малки, сидя напротив Шакнира, – то тут же сдал назад. Ты меня знаешь, я не из пугливых, однако осторожность не помешает. Задевать кого-то из Руки, да ещё и, прямо скажем, по малозначительному поводу – безумие. Но прежде чем я узнал, с кем столкнулся, мои люди уже кое-что разузнали, поговорив, послушав и посмотрев.

– И мессир Гальперн в открытую рассказывал, что участвует в заговоре против Императора? – с сомнением спросил убийца.

– Конечно же нет, – покачал головой бывший наставник, – но, как говорят, «кто желает – всегда узнает». Аарон любит приложиться к горлышку, а у таких людей, как ты знаешь, редко держится язык за зубами. Он сболтнул лишнего доверенному человеку, а тот оказался не столь принципиален, чтобы сохранить всё в тайне. За умеренную сумму в реалах он поведал обо всём, что услышал, и я решил, раз уж не удалось потягаться с имперским казначеем в делах, достать что-то более существенное. Один документ пришлось выкрасть прямо из его кабинета, несколько писем перехватили мои люди, напав на посыльных. Нигде ни о чём не говорится прямо, однако даже туманных намёков достаточно, чтобы понять, о чём идёт речь. В этих бумагах, – Малки подвинул стопку ближе к Шакниру, – всё, что у меня есть на Аарона Гальперна. Донесения моих людей, те самые письма, информация о других его мутных делишках. Я берёг на крайний случай, если совсем прижмёт, или если понадобятся деньги, но, раз у тебя Заказ, я помогу тебе всем, чем смогу. Тем более старый маг довольно щедро отсыпал мне, – Малки весело подмигнул, враз стряхнув с себя серьёзность. – А теперь, Шакнир, самое интересное. Герой всех этих бумаг сейчас тут, в Равене. Решает свои дела в пивоваренном деле. Равен славится пивом, думаю, ты знаешь. А, как я уже говорил, паутина очень обширна и не может не затрагивать один из столпов благополучия Равена. Он прибыл сюда инкогнито, почти без охраны и без свиты. Говорят, что пробудет ещё три-четыре дня, после чего отбывает в Скирот. У него есть несколько точек интереса, – Малки достал с полки карту города и развернул её на столе, – и я расскажу тебе обо всех, что знаю.

ГЛАВА 4. Смерть казначея.

Шакнир вышел от Малки уже под утро, после ещё одной бутылки вина, внимательного изучения документов и последовавших затем долгих разговоров о былых временах. Первые складские рабочие понемногу заполняли улицы района. Мимо проехала запряжённая низкорослой крепкой лошадкой телега, до отказа нагруженная скрученными канатными бухтами. Лошадка ступала легко и уверенно — тяжёлая работа была ей привычна. Улицы торгового района потеряли ночную таинственность и опасность — никаких подозрительных личностей заметно не было, скорее всего, под утро они перепились и теперь отдыхали в своих лежбищах.

Шакнир добрался до «Пятачка», отказался от предложенного заспанной хозяйкой завтрака — смотрела она неодобрительно, но открыто возмущения не выказывала — поднялся в комнату и рухнул спать. Ночь предстояла непростая, и убийца желал набраться сил. Он решил не откладывать дело в долгий ящик, а выполнить одну часть Заказа как можно скорее — доказать вину Аарона Гальперна не были неоспоримы, но в таких делах, как соблюдение Второй Заповеди, каждый Серый полагался более на внутреннее ощущение, чем на непреложные улики. А Шакнир был вполне уверен в том, что казначей принимает участие в заговоре против действующего Императора. Засыпая, Шакнир подумал, что при следующей встрече (а в том, что она состоится, сомнений не было) он обязательно должен поинтересоваться у мага, почему заговорщики до сих пор не осуществили свои планы, чего они ждут? Ведь каждый день увеличивает риск того, что всё вскроется. Уж если даже Малки, не слишком опытный в тайных делах, смог разузнать достаточно, что говорить о профессионалах из Тайной службы или шпионах других государств...

С этими мыслями убийцу настиг сон.

Проснулся Шакнир, как и планировал, незадолго до заката, бодрый, полный сил и страшно голодный. Спустившись в главный зал и с удовольствием съев кусок жареного мяса с овощами, Шакнир собрал свои вещи, расплатился с хозяйкой за постой и покинул трактир. Верная лошадка, которой убийца так и не удосужился придумать имя, поджидала в конюшне — местный конюх был неплох, животное выглядело отдохнувшим и довольным жизнью. Оседлав лошадь, Шакнир направился в сторону северных городских ворот, приветливо кивнул на выезде страже, скрылся из виду за поворотом дороги...

...и тут же свернул направо, в сторону небольшой фермы, про которую ему рассказал Малки. На ферме работал доверенный человек, который вышел из «дел», как их называл бывший наставник, но всегда был готов за горстку монет оказать посильную помощь братьям по ремеслу — стоило только сложить пальцами левой руки условный знак. Доверенный человек оказался высоким седым мужчиной, напоминающим скорее имперского чиновника, нежели воровского авторитета и контрабандиста, и одет он был совсем не как фермер. Впрочем, Шакниру не было до этого дела — заплатив десять реалов, он наказал следить за своей лошадкой и пребывать в полной готовности, если за ним вдруг увяжется погоня. Седой, который так и не представился (а Шакнир не посчитал нужным спрашивать), ответил, что всё будет в полном порядке, и «доброму господину» не стоит переживать ни секунды. Убийца удовлетворённо кивнул и направился обратно к городу, на который уже опускались сумерки. Ему нужно было попасть на пивоварню Зальцмана — как сообщали доносчики Малки, мессир Гальперн должен был встретиться там с хозяином.

Надо сказать, что пивоварня Зальцмана в Равене была самой крупной, но не единственной из принадлежащих старику. Пиво Амоса Зальцмана славилось по всей Империи и даже за её пределами, он стал первым пивоваром, использующим в своём ремесле сложные паровые машины Горных и, в целом, процветал. Чиновников Императора, однако, такое положение дел не вполне устраивало. Точнее, одного из них, возглавлявшего Торговую министерию — его зять

владел несколькими крупными пивоварнями, однако в силу совершеннейшей своей непригодности к какому бы то ни было управлению постоянно работал лишь себе в убыток, по всем статьям проигрывая частным пивоварням Зальцмана. Дабы окончательно урегулировать вопрос, министр любезно попросил Аарона Гальперна во время его визита в Равен провести встречу с Зальцманом и посулить тому кругленькую сумму, взяв, безусловно, свой процент за посредничество. А поскольку деньги давно уже стали главным идолом в жизни мессира Гальперна, он согласился – уж слишком хороша была обещанная доля.

Остановился казначей в гостинице неподалёку, и уже несколько раз наносил визит Амосу Зальцману. Переговоры зашли в тупик, и тому были две причины. Во-первых, господин Зальцман вовсе не желал продавать своё дело, которому посвятил всю жизнь. А во-вторых – и об этом торговый министр любезно не предупредил Аарона – предлагаемая за пивоварню сумма была в несколько раз меньше того, что они стоили в действительности, с учётом дорогих паровых машин и уникальных рецептов пива. Сегодня должны были пройти решающие переговоры, для чего пивовар намеревался выставить вон всех посетителей небольшого кабака при пивоварне и освободить его для визита высокого гостя. Он бы с удовольствием выставил и высокого гостя тоже, однако мало кто решался связываться с Рукой, а мессир Гальперн вёл себя предельно аккуратно и не давал даже формального повода для конфликта.

Прокручивая в голове эти сведения, что прилежно донесли информаторы Малки, Шакнир приблизился к небольшой боковой калитке в городской стене, служащей главным образом для рыбаков, что срезали здесь путь к реке, дабы не обходить кругом половину города. Часовой в мундире равенской городской стражи попытался бдительно задержать Шакнира, но, увидев в руке убийцы рубин стоимостью с его годовое жалованье, едва не лишился чувств и без лишних вопросов отпер калитку и впустил убийцу в город. Шакнир был уверен в том, что стражник никогда и никому не расскажет о таинственном незнакомце, которого он впустил в город – взяточников Император ссылал и казнил нещадно. Во всяком случае, среди низших чинов.

Спустя четверть часа неспешной прогулки по городу, когда Равен почти погрузился в ночь, но стражники ещё не стали по-ночному бдительны, Шакнир оказался в квартале от пивоварни. Это был промышленный район, в такое время почти безлюдный – смены закончились, и рабочие уже успели разойтись по домам. Оглядевшись по сторонам и не заметив ни одной живой души, Шакнир ловко, как кошка, вскарабкался на ближайшее здание. Дальнейший его путь проходил поверху – как рассказал Малки, на пивоварне имелся чердак, одна из дверей которого выходила как раз на черепичную крышу.

Чердачная дверь оказалась не заперта и поддалась легко, и Шакнир вступил в пыльное тёмное помещение. Сюда не проникали свет звёзд и отблески уличных фонарей, и убийце пришлось достать из кармана специально припасённую для таких случаев коробочку с длинными палочками, дававшими, если повернуть две половинки вокруг своей оси, ровный желтоватый свет. Изобретение Горных, вынужденных иной раз неделями находиться там, где не было совсем никакого света, как нельзя лучше прижилось среди людей, привыкших действовать по ночам – воров, убийц и шпионов.

Шакнир, ступая неслышно, шёл по чердаку, и в голове помимо его воли мелькали воспоминания.

...

Шакниру шесть. Он четвёртый сын богатого дворянина, проживающего в великольном Скироте, и, по слухам, близкого к Императорской Канцелярии. В те незабвенные времена правил отец нынешнего Императора, Тагор I Килжит, заслуженно прозванный Боголюбом – именно при нём церковь Великой Троицы набрала силу, затмив собой почитателей всех прочих божеств, а Творец был объявлен верховным в Троице богом. Что удивительно, всё это произошло практически без перегибов – Великая Троица всё так же безусловно признавалась, правда, культ Творца неизмеримо возвысился над почитателями остальных двух богов – Зарма, бога

смерти и повелителем Мрачного Царства, и Лидонии, богини жизни, любви, красоты, покровительницы всех женщин, в особенности матерей. Само собой получилось так, что Творец, раньше бывший равным, понемногу стал первым. И насколько высоко ушёл Творец от Зарма и Лидонии в трудах иерархов Церкви и умах людей, настолько же вся Великая Троица стала почитаться выше, чем прочие боги – леса и озёр, огня, камня, ночи, и так далее. Ходили упорные слухи, что церковь Творца готовит меморандум, в котором призывает почитать богами лишь Великую Троицу, а прочих же считать не более чем духами, однако в то время слухи подтверждения так и не получили – возможно, подобный шаг сочли преждевременным. Меморандум был выпущен позже, во время правления Ронана II Килкита, сына Тагора, и не оказал на общество почти никакого влияния. К тому времени и волшебникам, и богословам, и учёным стало очевидно – боги, раньше принимавшие участие в повседневной жизни людей, понемногу уходили из этого мира, проявляя себя всё реже и реже. Причину не знал никто, и по всей Моране даже стали зарождаться учения, объясняющие мир сугубо с материальной точки зрения и отрицающие существование богов в принципе. В Империи они были объявлены ересью, но в вольных городах, всегда славившихся интеллектуальными вывертами, получили достаточно широкое распространение.

Тагор Боголюбец же, искренний почитатель Творца, увлечённый исследователь древней истории, яркий интеллектualan и, в общем, добрый и душевный человек, обладал одним качеством, прекрасным в жизни, но совершенно неприемлемым для правителя – жестоким быть он не умел. Император почти никого не казнил за три десятка лет своего правления, часто миловал преступников, многое отдал на откуп Канцелярии, которая в те золотые для неё годы набрала невиданную силу.

Отец Шакнира, знатный дворянин, владелец больших плодородных угодий неподалёку от столицы, уделял большую часть своего времени деловым встречам, публичным выступлениям и общению с Канцелярией и имперскими чиновниками, а не с собственными детьми, и маленький Шаки рос под присмотром многочисленных нянек и старших братьев, которые, впрочем, любили его, а если и колотили, то редко и за дело. Шаки быстро понял, что делать в просторном, светлом, богатом, но непроходимо скучном отцовском доме совершенно нечего, и скоро научился убегать втайне от нянек и матери, редко интересовавшейся делами детей – она всегда была занята либо приготовлениями к очередному балу, либо обсуждению прошедшего с личной служанкой Митриль.

В шесть лет у Шаки была своя маленькая банда. Конечно, ни до каких серьёзных дел не доходило, но стянуть кольцо колбасы у мясника считалось доброй традицией. Их было четверо, Шаки считался главным, у них был штаб на таком же пыльном полутёмном чердаке, и они клялись быть верными друг другу до конца жизни. Правда, спустя полгода Лос, всегда метивший на место «главного», рассказал всё отцу Шакнира, и шестилетний отпрыск вынужден был выслушивать долгую и исключительно обидную речь отца – тот был прекрасным оратором, пылким и вдохновлённым. Пожалуй, это была первая капля в чаше терпения Шакнира – когда чаша эта переполнилась, четвёртый сын сбежал из дома, чтобы уже никогда туда не вернуться.

...

Встряхнув головой и отогнав навязчивые воспоминания, Шакнир прислушался. Внизу звучали мужские голоса, и он прильнул ближе к полу чердака, найдя достаточно широкую щель.

– А вот, мессир Гальперн, самая современная пивоварня во всей Империи. Это моя гордость – машинный зал. Тут установлены паровые машины Горных, лучшее, что можно купить за деньги, – Амос Зальцман говорил спокойно, однако Шакнир опытным ухом уловил тревогу пивовара.

– Впечатляет, господин Зальцман, впечатляет... – Голос Аарона Гальперна был бархатистым и приятным. – Вы намереваетесь раздражить меня, да? Чем вас не устраивает та цена, что по милости своей предлагает вам торговый министр? Мы говорим об этом уже несколько дней, но никак не можем договориться.

– Помилуйте, мессир, при всём моём уважении, это решительно невозможно! – воскликнул Зальцман. – Одна эта пивоварня стоит дороже, а есть ведь ещё другие. Я выстраивал дело четыре десятка лет! Я люблю и почитаю Императора, служу ему верой и правдой, исправно плачу налоги, помогаю бедным и убогим. Кроме того, я бесконечно уважаю чиновников Императора, включая вас, мессир, и досточтимого торгового министра. Я знаю, что вы преданы Империи. Но всё же я не готов расстаться с делом всей моей жизни за такую смешную сумму.

– Кто твой наследник, Амос? – скушающим тоном спросил казначей.

– Простите, мессир? – в голосе пивовара нервные нотки зазвучали гораздо более отчетливо.

– Кто получит всю твою пивную империю в случае твоей преждевременной кончины? – уточнил вопрос Аарон.

– Я не понимаю, мессир...

– Отвечать! – голос казначея взвился и хлестнул по ушам плетью.

– У меня двое сыновей... – Зальцман наконец осознал, что дело нечисто, а переговоры вышли из нормального русла, и ошутимо испугался. – Старшему. Правда, он шалопай, но вдвоём как-нибудь справятся... Зачем вы спрашиваете такое, мессир?

– Ты упомянул о том, что прилежно платишь налоги, Амос, помогаешь всем вокруг, и так далее, – прежним ровным тоном продолжил мессир Гальперн. – Хотя мои источники говорят о другом. Вот эти паровые машины, они ведь куплены по гораздо более низкой цене, чем есть на самом деле... Так? Вижу по твоему лицу, что так, дорогой господин Зальцман. Договорился с контрабандистами и вывез золото нелегально, передав его Горным, дабы уйти от части налога? Плохо, Амос, плохо. Но не смертельно, да? А что если посмотреть на вопрос иначе – ты, зная о напряжённых отношениях между нами и Горными, всё же отдал им деньги, на которые они могут купить оружие, что вскоре повернётся против нас... Совсем другая ситуация, а? Не падай в обморок, Зальцман. Это ещё не всё. Может, вспомнить поставку трав из Вааланда двухлетней давности? Когда в грузе обнаружили кое-что, не предназначенное для свободной торговли, и тебе пришлось подкупать чуть ли не таможенного министра... Я привёл только два случая. Ты знаешь, что их гораздо больше.

– Откуда вы... – голос пивовара вибрировал от страха и напряжения. – Я понял. Лезар?

– Глупо рассчитывать на верность человека, который не обязан тебе ничем, кроме денег, – усмехнулся Аарон Гальперн. – Всегда может найтись тот, кто заплатит больше. Мне кажется, Амос, если о твоих махинациях узнают, то лучшее, на что ты можешь рассчитывать – пожизненная каторга. А твои наследники, я полагаю, после станут более сговорчивы. Я достаточно прозрачно намекаю?

– О, более чем, мессир... – несчастный пивовар был сломлен. За несколько минут он превратился из достаточно уверенного в себе человека, который старается отбиваться от самого мессира Гальперна, в старика с дрожащим от страха голосом.

Шакнир решил, что время пришло. Вряд ли из этого разговора можно узнать что-то ценное. Резко откинув присмотренный заранее люк, он скользнул вниз и мягко приземлился в двух метрах от казначея и пивовара.

Убийца ожидал увидеть Аарона Гальперна расплывшимся толстяком или канцелярской крысой в очках с линзами из баснословно дорогого горного хрусталя, но ошибся. Главный казначей Его Императорского Величества оказался высоким стройным шатеном с аккуратно подстриженной бородкой, благородное лицо его было хищным и красивым – ястребиный нос, цепкий взгляд, тяжёлая нижняя челюсть. В голову Шакниру сама собой пришла мысль, что

мессир Гальперн, пожалуй, нравится женщинам – во всём облике казначея ощущалась *порода*. Будто не только он стоял сейчас перед Шакниром, а многие поколения его славных благородных предков смотрели на убийцу сквозь эти светло-зелёные глаза. Род мессира Гальперна и вправду был очень древним, ведущим родословную чуть ли не со времён Второй империи, но ныне находящимся в упадке из-за разгульного образа жизни ближайших предков казначея, промотавших состояние. Аарон Гальперн, как говорил Малки, одной из главных жизненных целей считал возвращение роду былой власти и силы.

Амос Зальцман, которого Шакнир окинул лишь беглым взглядом, был низкорослым, слегка сутулым, невзрачным пожилым мужчиной, однако руки его, сильные и жилистые, говорили о том, что пивовар не гнушается и тяжёлой физической работы. Это, насколько знал убийца, было чистой правдой – Зальцман много работал на пивоварнях сам, полностью контролируя все тонкости процессов, а иногда не гнушаясь и потаскать тяжёлые пивные бочки и мешки с солодом и хмелем.

Внезапное появление Шакнира вызвало замешательство, дежурящий у двери охранитель бросился вперёд, встал перед Гальперном, обнажил тяжёлый клеймор. Воцарилась тишина – Шакнир знал, что в таких ситуациях все ждали каких-то действий именно от него; мало кто умел быстро сориентироваться и атаковать первым. Драгоценные секунды нельзя было терять, поэтому убийца, уже оценив обстановку, заговорил:

– Итак, господа, заповеди наказывают мне представиться. Меня зовут Шакнир, в некоторых местах я известен как Мертвец. Я пришёл за тобой, Аарон Гальперн. Вина твоя не вызывает сомнений. Каким оружием предпочитаешь защищаться?

– Заповеди? – казначей медленно вытянул из ножен короткий меч, богато украшенный золотом и драгоценностями. Он мог сойти за чисто церемониальное оружие, если бы не бритвенная острота лезвия. – Я знаю только одних убийц, что следуют заповедям. Серый?

Услышав название клана, охранитель ощутимо напрягся и сделал крохотный шаг назад – о Серых толковали всякое, но все слухи сводились к одному – в большинстве случаев за спиной у них оставалась гора трупов. Конечно, так было далеко не всегда, и Серых учили выполнять Заказ как можно чище, однако каждый Карающий считал необходимым подобные слухи только раздувать – страх, как говорил наставник Тиниэль Горт, знаток душ человеческих, сам по себе является оружием гораздо более смертоносным, чем любой кинжал. Сумевший заронить в сердце противника страх уже наполовину победил.

– Да, мессир Гальперн. Вы не ошиблись. Вижу, оружие вы уже выбрали, – Шакнир медленно достал из ножен парные кинжалы. – Говорю для всех: я пришёл лишь за мессиром. Каждый, кто встанет на моём пути, будет убит. Кто отойдёт в сторону, останется жить.

Амос Зальцман моментально юркнул в щель между двумя огромными бронзовыми бочками и затаился там, тихо, как мышь.

– Ваша речь выдаёт в вас человека непростого, – Гальперн ощутимо боялся, но старался не подавать вид, пряча волнение за вежливой улыбкой. И прячась за спиной охранителя. – Не ошибусь ли я, если стану называть вас мессиром?

– Как вам будет угодно, – в тон ответил Шакнир.

– Грива, убей мессира Мертвеца, – казначей хлопнул до сих пор колеблющегося бойца по плечу, – даю тысячу реалов золотом.

Названная сумма, ещё не существующая, но обещанная, упала на чашу внутренних весов Гривы, моментально перевесив страхи и сомнения. Охранитель сделал шаг вперёд, одновременно поднимая клеймор. Шакнир ушёл в сторону, и тяжёлый клинок едва не выбил щепки из деревянного пола, но Грива каким-то чудом сумел направить инерцию вбок, метя Шакниру в ноги, стремясь подрубить, повалить, добить. Убийца отпрянул и прижался спиной к бочке. Справа возникло острие меча Гальперна, Шакнир принял его на крестовину кинжала, выкрутил запястье, отводя меч в сторону, и что было сил ударил ногой по держащей рукоять кисти.

Казначей вскрикнул и выпустил меч, Шакнир моментально развернулся в сторону охранителя, едва успев присесть – тяжёлый клеймор опустился туда, где секунду назад была его голова. Удар оказался такой силы, что пробил толстые доски – по лезвию потекло светлое пиво, в воздухе мгновенно возник тонкий аромат хмеля. Грива попытался выдернуть меч, но Шакнир был быстрее, гораздо быстрее – левой рукой с зажатым в ней кинжалом убийца перерезал ахиллово сухожилие, а после, оттолкнувшись от бочки всем телом, изо всех сил ударил плечом в подбородок охранителя. Челюсть хрустнула, Грива издал невнятный хрюкающий звук и мешком свалился на пол, выпустив застрявший в древесине клеймор.

Шакнир развернулся как раз вовремя, чтобы движением ноги отбросить подальше меч казначея. Аарон Гальперн, к немалому удивлению Шакнира, бросился вперёд, а не назад, ревя, как разъярённый бык, но убийца легко ушёл в сторону и всадил кинжал по самую рукоять в правый бок, разрезая надвое печень. Казначей хлюпнул и упал, неловко елозя руками по дощатому полу, на котором уже собралась пивная лужица.

Теперь нужно было действовать быстро. Шакнир не мог творить заклинания так, как это делал Азат, походя, не задумываясь, кроме самых простых, вроде Молчания или Небесного фонарика. Заклинания же Фай, Разума, требовали десяти-пятнадцати секунд полной концентрации. Лишь бы не подоспели другие охранители, наверняка оставшиеся в прилегающем к пивоварне трактире, да не очухался бы Грива...

Обошлось. Заклинание было готово, Шакнир почувствовал его незримые нити между своими пальцами, и усилием воли протянул эти нити к голове Гальперна, вырывая из его памяти куски воспоминаний, перекачивая их в специально обработанный для этих целей изумруд, делая это грубо, жестоко, попутно стирая большую часть личности казначея – однако для тонкой ювелирной работы не было ни времени, ни достаточного количества энергии Фай. Впрочем, жить Гальперну оставалось меньше минуты, и убийцу не особенно заботило его пострадавшее сознание.

Аккурат в тот момент, когда Шакнир закончил, в пивоварню ворвались ещё трое охранителей. Убийца бросил в их сторону пузырь с дымом Картау – особой химической смесью, что давала густые облака чёрного едкого дыма, для здоровья, впрочем, совершенно не опасного. Дым Картау, в отличие от многих других изобретений, был создан людьми, а не Горными, но стоил всё равно очень дорого, да и достать его было сложно. Однако Шакнир, с его-то нынешним состоянием, мог позволить себе такие траты. Со стороны двери послышался судорожный кашель, убийца удовлетворённо кивнул самому себе, нагнулся к корчащемуся в агонии Гальперну и перерезал казначею горло. Он любил иногда поговорить с Целями, уважал тех, кто встречал свою смерть достойно, с оружием в руках, но, когда начиналась работа, кровавая и привычная, для слов не оставалось места, была только предельная ясность ума и безукоризненно точные движения несущих смерть клинков.

Едкий дым расползлся по машинному залу, пиво стекало на пол, смешиваясь с кровью казначея, Грива ворочался и мычал, не размыкая пока глаз. Шакнир сделал шаг за бочку, туда, где затаился Амос Зальцман. На его лице не осталось больше страха – кажется, пивовар уже вовсю подсчитывал убытки и возможные последствия. Шакнир вынул из кармана припасённый драгоценный камешек и бросил его Зальцману.

– Компенсация, – убийца вовсе не обязан был делать это, но такой жест показался ему правильным. – Зато, глядишь, и отстанут ненадолго с желанием купить дело. Что думаете, господин Зальцман? И советую уходить – скоро не сможете нормально дышать. К утру дым развется.

Не дожидаясь ответа, Шакнир бросился в сторону окна и вылез в прохладу ночи. Совсем недалеко, возле входа в пивоварню, вопил один из охранителей – пытался докричаться до городской стражи. Шакнир, улыбнувшись про себя напрасным попыткам (стража редко забредала в этот район ночью, тут почти никогда ничего не происходило, да и практически каждый

владелец фабрики имел свою охрану от лихого ночного люда), свернул в узкую арку, прошёл через крошечный каменный дворик, украшенный незамысловатой скульптурой Творца, и растворился в лабиринте улиц.

В укромном месте был заранее приготовлен тюк с одеждой простого рыбака – холщовые штаны, крепкая куртка из кожи, шляпа с узкими жёсткими полями. С маскарадом вновь помог Малки, оставив подробные инструкции по поиску тайника. Шакнир быстро переоделся и в таком виде, убрав свой дорожный балахон в мешок, направился к ещё одной боковой калитке в крепких городских стенах – он никогда не возвращался тем же путём, что и пришёл. Стражник маялся скукой, пуляя камешками в стоящий неподалёку пенёк, старый и трухлявый.

– Ночной клёв? – стражнику захотелось перекинуться парой слов с живым человеком, чтобы хоть как-то развеять одиночество.

– Да, ночной клёв, – Шакнир с видимым удовольствием, как всякий, увлечённый своим делом, остановился возле стражника. – Листохвост выходит с глубин, да и прикормочки я накидал ещё вчера, а листохвост-то знаешь какой? Иной и с твою руку размером может быть. Листохвост, он опарышей любит, ну, я обычно из ямы выгребной черпаю, ковшик у меня специальный на ручке есть, да оттуда ковыряю. Они знаешь какие жирные! Да у меня есть тут с собой, – Шакнир сделал вид, что полез в сумку, – давай покажу тебе, какой опарыш должен быть! Другого-то листохвост и не возьмёт!

– Ладно-ладно, иди уже, – стражник явно не горел желанием любоваться жирными опарышами из выгребной ямы, – хорошего лова тебе.

– А тебе хорошей службы, – Шакнир побрёл в сторону реки, резко свернув в сторону, едва скрывшись из поля зрения стражника. Спустя четверть часа он был уже на ферме, где переоделся, поблагодарил хозяина и вскоре выехал на тракт. Убийца планировал к утру добраться до крупного посёлка Фиалант, что на полузабытом ныне языке означало «Спящие Курганы», где и остановиться в одной из тамошних многочисленных таверн.

ГЛАВА 5. Лесной путь.

На рассвете усталый, но удовлетворённый Шакнир обзирал с холма Фиалант. Посёлок, обнесённый крепким деревянным частоколом, не бедствовал – полторы сотни крепких домов, три таверны, торговые лавки, центральные улицы вымощены камнем. Экономика держалась на путешественниках и охотниках за добычей, что стекались сюда со всей Империи и из-за её пределов – до горизонта, насколько хватало глаз, тянулись многочисленные курганы. По легенде, в древние забытые времена тут хоронили знать, военачальников, чиновников. Никто, правда, не знал точно, чьих – Спящие Курганы были задолго до Империи Килкитов, а косвенные упоминания о них встречались даже в сохранившихся летописях времён становления Первой Империи, что было не меньше двух тысяч лет назад. Некоторые из учёных мужей говорили, что курганы принадлежат расе Первых – впрочем, другие не менее уважаемые научные светила яростно отвергали подобные версии, ссылаясь на то, что все сделанные находки явно были делом рук человеческих. Впрочем, и те, и другие не могли сказать точно, каков возраст находок, разброс в версиях был от нескольких сотен до нескольких тысяч лет.

Как бы там ни было, Фиалант процветал. Поток желающих приобщиться к древним тайнам не иссякал – тут были и нелегальные гробокопатели, и официальные археологические экспедиции из Империи и сопредельных держав, и организованные группы весьма бандитского вида. И всем нужны были комнаты, еда и много вина, поэтому Шакнир всерьёз опасался, что свободных мест в тавернах просто-напросто не будет. Впрочем, в первой же из них он заметил в углу знакомую статную фигуру и, ничуть не удивившись, приветственно махнул рукой.

– Присядь, выпей чарочку, – Азат курил излюбленную длинную трубку, – комнату я тебе уже оплатил.

– Благодарю, старик, – едко ответил Шакнир, которому порядком надоела вездесущность мага, – весьма трогательная забота.

– Присядь, говорю, – Азат слегка нахмурился, – нам надо поговорить. У меня есть важные сведения.

Шакнир кивнул и молча опустился на стул, налив себе чарку крепкой «Медвежьей крови» – этот сорт вина был особенно популярен среди военных всех мастей за то буйное молодецкое опьянение, что наступало после двух-трёх чарок.

– Во-первых, поздравляю с успешным устранением первой Цели. Гальперн был не самым хорошим человеком. Ты уже посмотрел его воспоминания?

– Не успел. Думаю, займусь этим сегодня.

– Там наверняка будет много чего интересного, – улыбнулся волшебник. – Изумруд в надёжном месте?

– В самом надёжном, – Шакнир похлопал себя по в том месте, где располагался маленький внутренний кармашек балахона. – А что во-вторых, старик?

– А во-вторых у нас с тобой не самые приятные новости. Весть о смерти казначея уже разносится, скоро об этом узнают в столице. На дорогах будут усиленные дозоры. Думаю, после Талеро тебе нужно будет продавать лошадь и идти через лес.

Убийца долго, очень долго смотрел на мага, что-то обдумывая. Азат спокойно курил и отхлёбывал из своей чарки, как будто не чувствовал на себе тяжёлого взгляда льдистых глаз.

– Послушай, старик, – подал наконец голос Шакнир, – что-то не вяжется. Я иду в столицу. Так или иначе. Скирот набит стражниками, как бочка сельдью. А скрываться мне надо от тех, что, возможно, будут на тракте. Неизвестно, когда. И непонятно, в каком количестве. Что происходит на самом деле?

– Ты кое-чего не знаешь, Шакнир. Ситуация кардинально изменилась... И ты прав, дело не только в убийстве казначея. Боюсь, тракты скоро перекроют совсем. И тогда каждый должен будет остаться там, где его застигнет тейрам – полная остановка всякого движения.

– На моей памяти тейрам объявляли лишь однажды, когда пытались поймать графа Сервена Безумного... – убийца пожевал губами, о чём-то размышляя. – Война?

– Да, Шакнир. Война, – маг выпустил в потолок толстое кольцо дыма. – Объединённые армии Горных и Лесных уже подходят к границам Империи с запада и северо-запада. Скоро всё начнётся... Если, конечно, Император не распечатает Источник Оз раньше. Я допускаю, что, узнав это, враги повернут назад – слишком уж разрушительна сила Стихий, слишком страшна даже для той орды, что приближается к Империи.

– У меня есть один вопрос касательно Заказа, – сменил тему Шакнир. – По моему скромному видению, существует нестыковка. Если Руке нужно убить Императора, то зачем ждать? В чём смысл? Почему не сделать это сейчас?

– Кто попадает на престол в случае смерти Императора? – вопросом на вопрос ответил Азат.

– Его сын, Карел Килкит, естественно.

– А в случае смерти их обоих?

– Я не слишком силён в юридических тонкостях, знаешь ли, – Шакнир осушил ещё одну чарку вина, подозвал разносчицу и попросил принести мясо и сыр. – И кто же?

– На этот случай есть несколько вариантов, – пояснил волшебник. – В случае смерти последнего прямого представителя династии Килкитов собирается Большой Совет, который избирает нового правящего Императора или из числа побочных ветвей рода Килкитов, или из наиболее почитаемых родов Империи. Сейчас, пожалуй, на престол могли бы претендовать Варги и Искалоты... Впрочем, неважно. Но есть одна лазейка. В случае если в Империи объявлено чрезвычайное положение – война, мятеж, природные катаклизмы – власть может законно взять в свои руки Высокий Маршал. Сейчас это Луций Корнелий. Понимаешь?

– Теперь ясно, – Шакнир впился зубами в жареное мясо, уже порядком остывшее – видимо, оно довольно долго пролежало на кухне, потому его и принесли почти сразу. Жирный сок стекал по правой ладони, норовя забраться за рукав. – Они ждут объявления войны? И тогда Император погибает – вместе с сыном, конечно – и власть узурпирует Луций. Так?

– Почти, Шакнир. Есть ещё несколько моментов, но они сейчас не столь важны. Поэтому они ждут. Точный расчёт – залог успеха в любом деле. Тем более в таком тонком, как дворцовый переворот.

– Ты, как я погляжу, весьма осведомлён во всём, – задумчиво молвил убийца. – Ладно, это ясно, старик. Что ты сказал о лесе? Зачем мне туда соваться? Поверь, я смогу тихо продвигаться и вдоль тракта, не попадаясь на глаза страже и армии.

– Тихо, но не быстро, – возразил Азат. – Я считаю, что после Талеро тебе нужно сворачивать. Да, идти через Эленвильский лес опасно, но, боюсь, это всё-таки неизбежно. Когда объявят тейрам, любое движение будет заметно. Я, пожалуй, мог бы достать тебе разрешение, но сделать это быстро не получится. А время сейчас – наша главная ценность.

– В твоих доводах есть определённая доля истины, – вынужденно признал Шакнир.

– Я долго думал перед этим разговором. Впрочем, до Талеро ещё полтора дня пути. Сегодня отдохни как следует. Ты устал. А мне надо идти. Я остановился, можно сказать, неподалёку... Твоя комната – номер шесть, второй этаж.

Азат поднялся из-за стола и вразвалку направился к выходу, ни разу не обернувшись. Шакнир остался один – доел мясо, прикончил бутылку «Медвежьей крови», перемигнулся с симпатичной девушкой-разносчицей, расплатился и поднялся в комнату, на двери которой чёрной краской была аккуратно выведена нужная цифра. Он очень устал, но, прежде чем погрузиться в сон, оставалось ещё одно дело. Он достал изумруд, положил пальцы на холод-

ный камень, прошептал соответствующее заклинание (голова отозвалась резкой болью; магия никогда не давалась Шакниру просто) и погрузился в чужую память, пролистывая воспоминания, как страницы книги.

Убийца искал довольно долго, перебирая и отбрасывая в сторону (если, конечно, такие сравнения применимы к тому, что происходило только у него в голове) ненужный хлам – воспоминания о просторных залах Императорского дворца, о любовных интрижках, о казнокрадстве, о деловых беседах и шумных пирах. Часть из них, однако, оказалась скрыта будто бы непроницаемым туманом, чего раньше убийца не встречал. Впрочем, опыт его был не так уж велик, и Шакнир списал это на слишком резкое извлечение воспоминаний, к которому пришлось прибегнуть.

Наконец он нашёл то, что искал, и остановился, всмотрелся, погрузился, проживая и чувствуя память другого человека, который, ко всему прочему, его стараниями уже был мёртв.

...

За столом сидели трое – глазами четвёртого, Аарона Гальперна, Шакнир сейчас и видел. Первой подала голос женищина справа – высокая, властная, ещё не вполне старая, сохранившая былую красоту, хотя на висках её уже упрямо серебрились ниточки седых волос. В приятном грудном голосе ощущалась сокрытая сила – было ясно, что он вмиг может взвиться и ударить плетью:

– Где чародей? Он не считает нужным присутствовать на собраниях?

– Бренна, успокойся, – отозвался крупный мускулистый бородач. Гладко выбритая голова его бликовала в свете хитроумных химических ламп, естественно, производства Горных – они были лучшими мастерами, инженерами и химиками на Моране. – Келрим много помогает нам. А его вздорный характер всем известен. Он в очередной раз торчит у себя в поместье и проводит мерзкие и пугающие опыты.

– Луций, ты хорошо умеешь двигать армии влево-вправо, но мало что смыслишь в интригах, – скептически ответила мессии Макграт. – А мне почему-то кажется, что чародей ведёт свою игру. Он, конечно, нам помогает, однако на наших редких встречах предпочитает не появляться. Если сюда нагрянет гвардия, он окажется чистеньким и беленьким.

– Бренна, ты слишком мнительна, право слово, – Луций откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула, завёл руки за голову. – Если ты вдруг не помнишь, именно Келрим вывел из игры мессира Дограта, который начал что-то подозревать. И проделал всё так изящно, что даже наш бдительный цепной пёс Халтворк не пронюхал.

– Да, было. Но это ничего ещё не доказывает. – Бренна замолчала и слегка отвернула голову, давая понять, что не желает больше обсуждать эту тему.

– Благородные господа, позвольте напомнить, зачем я попросил всех собраться здесь, – подал голос Аарон Гальперн. – Наши... гм... зарубежные друзья настаивают на том, чтобы ритуал не был завершён. И, кстати, сейчас я полностью согласен с мессии Макграт, – Бренна повернула голову в сторону казначея и милостиво кивнула, – на нынешней встрече нам бы не помешал маг. Друзья говорят, что в случае завершения ритуала снятия Печати с источника Оз вся затея становится бессмысленной и даже вредной – без должного контроля, в том хаосе, что непременно хоть ненадолго начнётся после смерти Императора, разрушительная энергия Стихий может вырваться и натворить таких дел... Или попасть в чьи-то неподходящие руки... Нашим друзьям, как вы понимаете, не нужны выжженные земли.

– И что они предлагают? – вновь подала голос Бренна. – Сделать это прямо сейчас? Вонзить клинок в незащищённую спину? Эйвинд, готов?

– Всегда готов, мессии Макграт, – подал голос молчавший до того гибкий светловолосый красавец. Его не зря прозвали Сладкоголосым – говорил он мягким, бархатным, кошачьим баритоном, перед которым могла устоять редкая женищина. – Клинок давно наточен и ждёт своего часа.

– Прекрати ломать комедию, Бренна, – Луций явно не был доволен. – Аарон, так какие есть варианты?

– Нам нужно замедлить процесс. И я уже придумал, как.

– Ты смыслишь не только в финансах, мессир Гальперн, м? – промурлыкала Бренна. – И что же ты придумал, светлая голова?

– Среди них один учёный муж, Такерт Дирт Рум, из Тенгирии. Сам он маг лишь чуть-чуть, но долго изучал энергию Оз. Император платит большие деньги за его знания. Их постарались выхолостить после того, как Источник был запечатан. И теперь приходится собирать их по крупицам, чтобы правильно вести ритуал снятия печати. Конечно, Такерт наверняка многое уже рассказал, но если мы аккуратно его изыщем... Это может существенно осложнить задачу.

– Превосходно, Аарон, – Луций картинно хлопнул несколько раз в ладоши. – Почему ты не пошёл по военному ведомству? Из тебя вышел бы неплохой стратег. А может, тебе податься в Тайную службу?

– Золото всегда привлекало меня большие стали, – улыбнулся казначей. – Пожалуй, теперь нам стоит обсудить детали?

...

Дальнейшее Шакнир просмотрел бегло – подробности устранения неизвестного ему учёного мужа из Тенгирии были не слишком интересны. Главное было получено – доказательства. Так часто бывало с Заказами, где необходимо устранить несколько человек, связанных одним грехом – достаточно было найти или получить свидетельства против одного, убить его, а после из памяти вытащить всё, что могло доказывать вину остальных. И то, что сейчас речь шла о Руке Императора, пяти самых могущественных в Империи людях после самого Ронана II Килкита, дела не меняло. Шакнир наконец облегчённо лёг на кровать и провалился в сон.

...

Клод Морель, крупный, сильный, жилистый, стоял напротив него, шумно дыша. Он уже пытался провести несколько захватов, но каждый раз Шакнир изворачивался, будучи более гибким и ловким. Широкое бревно, на котором крепко стояли поединщики, нещадно раскачивалось на металлических цепях над ямой, а вдоль её края, заложив руки за спину, расхаживал Смирт Глазастик, пожилой наставник по безоружному бою – достаточно, впрочем, крепкий для того, чтобы скинуть вниз с бревна любого из своих учеников.

– Клод, что ты дышишь, как толстяк-писарь, поднявшийся на собственное крыльцо! – голос Смирта был неприятным, визгливым, зато с лёгкостью перекрывал любой шум. – Дыхание восстанови! Шакнир, а ты чего ослабил? Или ещё побольше бревно качнуть, а? Начали,дохлики! Думаете, я тут с вами вечно буду торчать?

Клод, будто только этого и ждал, бросился вперёд. Ему никогда не хватало ловкости и подвижности, однако на бревне было мало пространства для манёвра – и здесь у сильный противник имел определённое преимущество. Шакнир сделал несколько быстрых шагов назад, оказался на краю, увидел, как Клод, не мудрствуя, выставил плечо, порываясь одним мощным ударом выбить Шакнира подальше... И едва успел затормозить на краю. Шакниру некуда было деться, кроме как упасть вниз, Клод завертел головой, ничего не понимая, посмотрел вверх, и оттуда, с цепей, на которых было подвешено бревно, на него обрушился Шакнир. Такой приём никогда не обговаривался – но и не запрещался. И Шакнир использовал свой шанс, взмыл туда, уловив момент, когда Клод наклонил голову, и атаковал сверху.

Морель ещё летел в яму, правильно сгруппировавшись, чтобы приземлиться мягко, а Шакнир уже высоко поднял голову – это был первый раз, когда ему удалось победить Клода на бревне. Его распирало от гордости – и увидевший это Смирт тоже улыбнулся:

– Выдумщик, мать твою. Сообразил же, а! – и сильной своей рукой качнул бревно так, что Шакнир не удержал равновесие и полетел вниз. – Чтобы, мать твою, сбить спесь. Ещё с бревна не слез, а уже нос задрал.

Шакнир летел очень долго – уже на пару секунд больше, чем должен был. Он посмотрел вниз, и внизу была тьма. Но не мёртвая, непроглядная, а живая, будто дышащая. Когда она ещё немного приблизилась, Шакнир понял, что тьма эта – мириады насекомых: жуков, тараканов, гусениц, червей, опарышей. Они копошились, шевелили усиками, ползали, трепетали крыльшками. Ещё в полёте содрогнувшись от омерзения, Шакнир сгруппировался, прикрыл лицо руками и в такой позе вошёл в шевелящуюся массу, моментально почувствовав на коже – он почему-то оказался голым – прикосновения тысяч маленьких лапок.

...

Убийца вскочил с кровати, подхватив кинжалы. Но комната была пуста. Это был просто кошмарный сон – хотя начался он реальным эпизодом из его долгого и преимущественно скучного обучения. Но насекомые... Что-то говорила их старая ведьма Бригит по поводу насекомых во сне, но Шакнир никак не мог вспомнить, что именно. Махнув рукой на кошмар, он оделся и спустился в обеденный зал – судя по ощущениям, проспал он не меньше четырёх часов, и изрядно проголодался.

На обед подавали рыбную похлёбку. Шакнир поморщился – рыбу он не любил – и взял только отварные овощи и солёный сыр. Купив припасы в дорогу и прозрачно намекнув, что вскоре найдёт сокровища и разбогатеет, непременно вернувшись за миловидной разносчицей, он отправился в путь. Девушка только усмехнулась – таких хвастунов в Фиаланте было видимо-невидимо в любое время года, и каждый был уверен, что уж он-то точно раскроет страшные тайны древних курганов.

В действительности, конечно, задерживаться в Фиаланте убийце нужды не было – он рассчитывал добраться до Талеро, небольшого посёлка, стоящего в том месте, где Эленвильский лес примыкал почти вплотную к тракту. Поэтому, прищипывая лошадь и обгоняя медлительные повозки, Шакнир двинулся в путь, оставляя за собой столбы пыли.

Тракт был на удивление малолюднен. Крестьяне не спешили продавать плоды своего труда, торговцы не сновали из города в город, искатели приключений и богатств, которыми кишел Фиалант, там и остались. Люди, не имеющие почти никаких сведений, кроме невнятных слухов и сплетен, чувствовали надвигающуюся бурю и предпочитали отсиживаться по домам, чтобы она не застала их в дороге.

К вечеру это произошло с Шакниром – правда, в буквальном смысле. Небо потемнело, и на землю обрушились плотные дождевые струи. Шакнир свернул с тракта и укрылся в небольшом лесочке, наскоро соорудив укрытие из веток. Глядя в бушующую стихию, слушая испуганное фырканье привязанной рядом лошади, Шакнир думал о том, что это хорошая метафора его нынешней жизни – он неожиданно для себя попал в гущу событий, от которых зависят судьбы сотен тысяч подданных Империи. И если раньше награда перевешивала всё, то теперь убийца не знал, по силам ли ему этот Заказ. Он всегда верил в себя, но порой в такие моменты, оставаясь будто один в огромном мире, сомнения точили его душу. Каждый выбор привёл его к этой точке, но кто знает, сколько более приятных дорог он миновал за свою жизнь?

Буря прошла так же внезапно, как и началась – пронеслась дальше, влекомая шквальными порывами ветра. Дождь прибил пыль и взбодрил зелень, придав ей даже какую-то весеннюю свежесть и яркость. Убийца отвязал лошадь, успокоил её и двинулся дальше. Ещё час-полтора, до темноты, он мог ехать, а потом следовало где-то заночевать. Поодаль от тракта виднелись деревни и сёла, некоторые даже богатые, окружённые деревянными стенами, но Шакнир не захотел ночевать рядом с людьми. Он легко сходилась хоть с крестьянами, хоть с благородными мессирами, но наедине с собой убийца чувствовал себя лучше всего.

Когда стало настолько темно, что слабый свет Эрлиды и звёзд не развеивал мглу, а лошадь начала то и дело спотыкаться, убийца свернул с тракта и устроился на ночлег. Как любой Серый, в быту он был неприхотлив, и хорошо ощущал себя и на мягких перинах, и на голых камнях. Сейчас он выбрал небольшую естественную впадину – кажется, в какие-то незапамятные времена здесь было русло реки. Расседлал и привязал лошадь, разжёг небольшой костёр, согрел воды из ближайшего ручья и поужинал холодным копчёным окороком и подсохшим хлебом, запивая нехитрую трапезу кипятком. После, соорудив лежанку на хранящих тепло углях, Шакнир провалился в сон и благополучно проспал до рассвета. Без переживаний и сновидений.

Утро встретило Шакнира свежестью и прекрасной погодой. Доев на завтрак остатки ужина и тщательно уничтожив следы своего пребывания, убийца вывел застоявшуюся лошадь обратно на тракт, оседлал и продолжил путь. Вскоре по левую руку показалась громада Эленвильского леса, подступавшего всё ближе к тракту. Изменился даже воздух – стал более пахучим, насыщенным, напоенным многими ароматами огромного и благодатного леса. Увеличилось и количество стражников – разбойники любили скрываться в лесу и налетать на торговцев, что не могли позволить себе охрану, одиноких путников и крестьян. Поэтому почти на каждом крупном перекрёстке встречался скучающий дозор в форме местной, а то и имперской стражи. Впрочем, на всадника в сером дорожном балахоне и с минимальным количеством пожитков они не обращали совершенно никакого внимания.

К вечеру тракт привёл убийцу в Талеро. Тут был один-единственный трактир, бесхитростно называвшийся «Оленьи рога» – над стойкой, прибитые к стене, и в самом деле красовались раскидистые рога, судя по количеству отростков, явно принадлежавшие взрослому матёрому самцу. Впрочем, ничего удивительного в этом не было – Эленвильский лес был богат на разного рода живность, охота и собирательство процветали, и немногие жители Талеро уделяли внимание куцам огородам.

По всему было видно, что трактир был в прибытке – крепкая мебель, выстланный чистой соломой пол, множество разных бутылок в шкафчике возле стойки. Трактирщик, пухлый весельчак, взял Шакнира под локоть и отвёл в сторонку, косясь на шумную компанию, расположившуюся прямо посреди зала, за сдвинутыми воедино тремя столами.

– Добрый господин, извольте присесть вот тут, подальше от этих...

– А что, с ними могут быть проблемы? – поднял бровь убийца.

– Нет-нет, что вы, – трактирщик явно нервничал и не знал, как достойно выйти из ситуации и не упасть в грязь лицом перед посетителем. – Охотники они, народец вообще-то миролюбивый, да и заведение моё жалуют... Но сейчас, сами понимаете, Зелёные Дни...

Из дальнейшего рассказа трактирщика Шакнир узнал, что у всех, охотящихся в могучем и древнем Эленвильском лесу, есть давняя традиция – Зелёные Дни. Случаются они дважды в году, длятся по трое суток, и в это время не положено трогать никаких животных и птиц, и даже приносить с собой в лес оружие – своего рода дань уважения духам леса. В первый день, самый торжественный, охотники повязывают на деревья цветные ленты, приносят и кладут на пни медные безделушки (почему-то считается, что духи леса любят медь), а после идут прославлять духов в ближайшее заведение, где можно испробовать различные горячительные напитки. На вторые и третьи сутки все обычно предаются безделью и праздности, хотя считается хорошим тоном привести в лес женщину и предаться там же, на траве, плотским утехам – более того, охотники верят, что зачатый таким образом ребёнок будет пользоваться покровительством духов и сможет стать великим охотником. Тот же, кто не соблюдает Зелёные Дни, рискует навлечь на себя гнев леса, и не будет у него удачи на охоте, а то и вовсе однажды заплутает и сгинет в чащобе.

– Вот, добрый господин... Сегодня как раз первый день. Они и прославляют духов. Они ребята хорошие, но куража ради могут и начать задирать чужака... Вы уж не сердчайте, помолчите лучше, они и отстанут...

– Посмотрим, уважаемый, – улыбнулся Шакнир. – Есть где заночевать?

– У меня-то комнат нету, но я договарюсь, одна бабка, Тари кличут, иногда даёт комнату у себя в домике. Путники не так часто у нас останавливаются, не завели как-то номеров...

– Хорошо, – серебряный полуреал перекочевал из руки Шакнира в карман трактирщика. – Бутылку хорошего креплёного вина и мясо с пряными травами. Есть такое?

– Как же, мигом устроим, бутылочку прямо сейчас принесу, за мясом мальчишку на ледник отправлю... Кабанчик свеженький как раз имеется...

Трактирщик, улыбаясь и беспрестанно наклоняя голову, засеменил к шкафчику с выпивкой и достал бутылку вина. Когда он проходил мимо компании охотников, один из них, молодой смешливый здоровяк, явный заводила, выхватил бутылку из рук опешившего толстяка.

– Эй, путник! – улыбнулся он Шакниру. – Пусть это будет твой дар духам леса!

– Я никаких даров приносить не собираюсь. А с духами у меня вообще особые отношения, – в голосе убийцы звякнул металл. – Поэтому, уважаемый, будь так любезен, верни бутылку на её прежний путь следования.

– Умник, что ли? – поскрёб широкой пятернёй светловолосую макушку охотник. – Сказано тебе, традиция такая. Бутылочка твоя послужит благому делу. Лучше не зарывайся, а то мигом по рукам-ногам свяжем и на Медвежью поляну отнесём. То-то веселья будет!

Шакнир неспешно, будто даже лениво, выпрямился, подхватил дорожный посох и направился в сторону компании охотников. Светловолосый, явно не ожидая столь резкого развития событий, сначала на миг растерялся, но, покосившись на ухмыляющихся товарищей (числом не меньше десятка), вскочил на ноги, картинно поплевал на ладони и упёр их в бока.

– Ну, иди сюда, дохлик, сейчас буду репу тебе чистить... – увидев подскочившего трактирщика, до сих пор старавшегося решить вопрос миром, он сильно толкнул его раскрытой ладонью в голову, так, что бедолага отлетел чуть не к самой стойке. – Брысь с глаз моих, боров! Не лезь, спрячься где-нибудь, сейчас потеха будет!

Шакнир остановился в двух шагах, уперев в пол конец посоха. Что-то промелькнуло в его голубых глазах, заставившее охотника чуть податься назад, но в следующий миг убийца бросился вперёд и резко взмахнул посохом, сокрушив коленную чашечку светловолосого. Парняга взвыл и повалился на пол, остальные подскочили, хватая кто бутылки, кто ножи с поясов...

Шакнир отпрыгнул в сторону, прижался спиной к столбу, повернул что-то в верхушке посоха, а в следующий миг вытянул изнутри длинный обоюдоострый клинок, хищно сверкнувший в свете ламп. Посох был работы Горных, известных мастеров, с их металлом могла сравниться разве что знаменитая тервизская чёрная сталь, чей секрет вот уже четыре сотни лет хранило одно-единственное семейство потомственных кузнецов, выросшее за это время из маленькой кузницы в целый кузнечный район, где одних лишь подмастерьев насчитывалось не меньше трёх десятков.

Впрочем, как бы хороша ни была чёрная сталь, только Горные с присущей им дотошностью и аккуратностью смогли бы выполнить посох Шакнира, напиговав обычный с виду грубо оструганный сук хитроумной системой защёлок и пружин. Клинок покоился внутри, будто в специальном футляре, что прятался в искусно вырезанной полости, и ни одна капля влаги проникнуть туда не могла – сталь была надёжно защищена от ржавчины, а если не знать, какой именно сучок является ещё и замаскированной кнопкой, догадаться, как клинок обнажить, было непросто, и появлялся он будто из воздуха.

Вот и сейчас охотники в нерешительности остановились чуть поодаль. План Шакнира сработал – орудовать ножом умел каждый, кинжалы, пусть даже выполненные из той самой чёрной стали, мало кого смогли бы смутить, но фехтование длинными клинками испокон веков

считалось делом благородных мессиров, и охотники не смогли сразу сообразить, как им биться с противником. Убийца, воспользовавшись паузой, оглядел охотников и сказал, чётко произнося каждое слово:

– Калечить буду. Резать сухожилия. Чтобы долго ещё лук не могли натягивать. Пусть он извинится и вернёт бутылку. Тогда разойдёмся миром.

На несколько секунд воцарилась тишина. Шакнир знал, что настал момент истины – либо они навалятся всей гурьбой, либо отступят. Из толпы выступил седоватый охотник, выглядящий старше других, подошёл к распростёртому на полу светловолосому, похлопал того по плечу:

– Давай, Рагди, вставай. Извинись перед благородным мессиром. Верни ему бутылочку. Куража он захотел, молокосос... Ну! – прикрикнул он уже строже.

Здоровяк Рагди, хромая и охая, поднялся, взял со стола бутылку, доковылял до Шакнира, протянул, не глядя в глаза:

– Прощения просим, добрый господин. Ошибочка вышла. Не повторится.

Шакнир улыбнулся уголком рта, молча вернулся на место, поманил пальцем трактирщика, взиравшего на него чуть ли не с благоговейным ужасом:

– Уважаемый, пусть мясо несут поскорее. Я страшно голоден, – и, повысив голос, так, чтобы слышали притихшие охотники, добавил: – Пару бутылок чего-нибудь крепкого господам. Негоже не почитать духов леса, да ещё и в Зелёные Дни.

Охотники, совершенно переставшие что-либо понимать, устали на убийцу в немом изумлении. Шакнир же, пригубив вино, подумал о том, что разом добился обеих целей – во-первых, заставил местных уважать себя, избавив от возможных проблем, а во-вторых, точно узнал, кто из них лидер – тот, седоватый. Значит, завтра, когда потребует помощь опытного проводника, знающего лес, он обратится к нужному человеку.

Бабка Тари оказалась вредной старушкой, поминутно бурчавшей что-то о гостях в её доме, которые всё время норовят разбить глиняную посуду и сломать табурет. Настроение её, однако, кардинальным образом переменялось, стоило Шакниру пообещать оставить ей лошадь, если она будет приветлива, дружелюбна и сможет собрать ему в дорогу достаточно еды. Бабка удивлённо выпучила глаза, не веря, что «добрый господин» не разыгрывает «старую одинокую женщину», а когда Шакнир всё же смог убедить бабку, что в предложении нет ни капли шуток, проворно засемила по соседям, собирая всю провизию, какую только можно было взять с собой в дальний путь. Кончилось тем, что бабка Тари вывалила на стол гору снеди, из которой убийца взял с собой едва ли половину. Хмыкая и благодаря старушку, он сложил в парусиновый мешок с ляжками вяленое мясо, лепёшки, овощи, немного разной крупы (маленький металлический ковшик у него с собой был) и даже сваренные вкрутую яйца. Не забыл Шакнир и наполнить водой кожаные бурдюки, числом четыре штуки, которые обвязал вокруг пояса, по два спереди и сзади. Бурдюки сшил хороший кожевник из Гарманта, столицы Альтерии, специально по заказу Шакнира, устроив ляжки так, что, висящие на поясе, бурдюки ничуть не стесняли движения. Запас воды в бурдюках был дней на пять, через лес, по прикидкам Шакнира, идти необходимо было около семи, но убийца справедливо рассудил, что найти воду в лесу всегда можно – надо просто уметь следить за зверем, который всегда приведёт к водопою.

Наутро, позавтракав овощами и сыром, поданными к столу бабкой Тари со всей возможной учтивостью, Шакнир приготовился к длинному пути через лес. Парусиновый мешок (на дне его покоилась небольшая матерчатая сумка с огромными деньгами – третью платы за Заказ) висел на плечах удобно, бурдюки прочно прилегали к поясу, не мешая ни ходьбе, ни извлечению кинжалов из ножен, посох лёг в руку крепко и привычно.

– Спасибо за гостеприимство, добрая женщина. Лошадь я оставляю, как и обещал.

– Ой, благородный господин, заходите ещё! Всегда буду рада! – бабка Тари, кажется, до последнего момента не верила в реальность происходящего – чтобы заработать на хорошую лошадь, крестьянину нужно жить впроголодь не меньше полугода. – Могу я ещё чем-то услужить?

– Да. Проводите меня к охотнику. Такой седоватый, кажется, старший из всех.

– Вилеамир? У вас давеча чуть драки не было, как же так-то?

– Вилеамир? Имя как у благородного... – Шакнир пропустил мимо ушей замечание о драке, наверняка об этом сейчас разговаривал весь посёлок.

– Он, кажись, благородный и был когда-то. Да давненько уж, видимо, если и бывал когда-то, – бабка пожевала губами, припоминая. – Уж полтора десятка зим тут, все его знают и уважают. У охотников нет главных или там неглавных, но к его словам все чутенько прислушиваются.

– Вот, к нему-то мне и надо. Ведите, – кивнул Шакнир.

Охотник Вилеамир жил в добротном деревянном доме, окружённом невысокой, но крепкой изгородью. Перед крыльцом дремал большой лохматый пёс, который покосился на Шакнира настороженно, слегка обнажил верхние клыки и утробно зарычал, но, услышав шаги хозяина, успокоился и вновь положил голову на лапы.

– Кого там нелёгкая принесла... О! Благородный мессир! – лицо Вилеамира хранило следы прославления духов леса. – Чем обязан визиту?

– Мы вчера не познакомились. Меня зовут Шакнир, – не обращая внимания на некоторую ехидность тона, спокойно сказал убийца. – Тебя, я знаю, Вилеамир. Судя по имени, я могу тоже величать тебя мессиром? И, кстати, откуда ты узнал, что я из дворян?

– Видно. Речь твоя сильно отличается от обычного человека, а на учёного книжника ты не похож, да и на студентуса тоже, – охотник цепко окинул убийцу взглядом. – Вчера показал себя, да и глаза непростые... Вольный Странник?

Шакнир хмыкнул. Он не раз прикрывался в своей работе легендой Вольных Странников – так называли бродяг без крыши над головой, готовых на любую работу, что могла принести доход и интерес. Среди Вольных Странников, что удивительно, было немало дворян – из разорившихся, но гордых родов, или каких-нибудь четвёртых сыновей, могущих претендовать лишь на герб, но не на наследство. Впрочем, хватало и вполне перспективных отпрысков богатых родителей, не желающих прожигать жизнь на приёмах и балах, но и не испытывающих тяги к наукам и знаниям, а жаждущих жизни, полной приключений и романтики. Вольных Странников, принадлежащих к дворянству, весьма ценили, ведь в большинстве случаев они с детства были обучены владению оружием, верховой езде и многим другим наукам, что делало их неплохими наёмниками – если удавалось пережить первые несколько стычек. Была, конечно, и обратная сторона – невезучих и неумелых Вольных Странников, даже из дворян, иногда можно было встретить работающими у богатого землевладельца или скотопромышленника.

Впрочем, такие истории быстро забывались, но до сих пор передавался из уст в уста рассказ о Вольном Страннике из древнего и известного, но спустившего всё состояние рода Дервейнов, что владел землями неподалёку от Скирота. Карл Дервейн, третий сын, будучи шестнадцати лет от роду, покинул отчий дом, оставив отца и двух старших братьев, а также многочисленную дальнюю родню, тратить остатки денег на увеселения и забавы. Спустя семь лет, успев побыть наёмником на четырёх небольших войнах, объездить половину континента, заработать немалое состояние и сколотить отряд из двух десятков сорвиголов, Карл вернулся в родовое поместье, развесил на деревьях в старинном парке отца, братьев и ту родню, что не успела уловить текущий политический момент и вовремя сдаться, и на вполне законных основаниях пришёл к власти. Тогдашний Император, всегда сквозь пальцы смотревший на междоусобные развлечения дворянства, объявил Карла Дервейна законным наследником, и

юный отпрыск принялся со всем усердием восстанавливать славу рода, изрядно преумножив заработанное потом и кровью состояние множеством выгодных вложений.

– Можно сказать и так, – Шакнир кивнул. – Я кто-то вроде Вольного Странника, да. Когда-то имел и дворянский титул, но это было давно, и разгневанный папенька наверняка уже отрёкся от меня. А ты, Вилеамир? Твоя речь тоже не слишком напоминает речь простого охотника.

– Мы с тобой в похожей ситуации, с той лишь разницей, что я сам перечеркнул свой герб чёрной полосой... – Шакнир удивился. Перечёркивали герб, то есть отказывались от дворянства, в исключительно редких случаях, какие можно было пересчитать по пальцам. – Это случилось давно. Сейчас никто не титулует меня «мессиром». А мне и не нужно.

– В таком случае, Вилеамир, давай опустим церемонии и перейдём к делу. Мне нужно пройти через Эленвильский лес, чтобы оказаться как можно ближе к столице. Я готов хорошо заплатить. Ты возьмёшься провести меня до тех мест, что знаешь сам?

Теперь настал черёд охотника удивляться. Он почесал голову, зашевелил крыльями носа, подумал. Ответил:

– Через сердце леса хочешь идти? Не советую. А другой короткой дороги я не знаю. А если идти по кромке леса, будет то же, что по тракту, только без лошади.

– Почему не советуешь идти напрямик? – осведомился убийца.

– Я и сам не знаю, Шакнир. Но нехорошие там дела творятся. Не знаю ещё никого, кто смог бы пройти. Хотя, конечно, легенды есть, и немало – и что-то мне кажется, что не все из них беспочвенны. Но я за такое не возьмусь, в сердце леса не пойду.

– Я тебя и не прошу. Говорю ещё раз – доведи меня до тех мест, что знаешь сам, и скажи хотя бы примерно, куда идти дальше.

– Ох, непростой ты малый..., – Вилеамир ещё поколебался, но махнул рукой. – Ладно. Сейчас, сапоги дай надену.

– Сколько будет стоить? – счёл нужным уточнить Шакнир, чтобы не вызвать подозрений.

– Сколько не жалко, – пожал плечами охотник. – Я за такое вообще брать денег не хочу, но если ты предлагаешь, отказываться не стану.

– Вот. Пойдёт? – Шакнир достал из кармана заранее приготовленный мешочек с пятью десятками реалов. Вилеамир заглянул в него и, надо отдать ему должное, почти не изменился в лице, хотя крайнее изумление величиной суммы всё же на миг затуманило взор.

– Как тебе сказать... Странно всё это. Не нравишься ты мне, – откровенно сказал охотник. – Драку учинил, поколотил Рагди, двигаешься ловко, словно зверь. Деньжищами трясешь... Большими. Для наших мест так вообще. Ладно, оставляй свои тайны при себе. Проведу я тебя. И не за деньги, а потому что попросил. Чую, что надо это тебе. Не бойся, в лес не заведу и там не брошу, духи никогда мне не простят, тем более в Зелёные Дни.

– Я бы тоже тебе никогда такого не простил, – вполне серьёзно, без тени иронии, ответил убийца.

– Но учти – я выполню свою часть работы честно, но не ожидай, что враз сделаюсь твоим другом.

– Я не ищу твоей дружбы, – покачал головой Шакнир, – веди, если готов.

Охотник кивнул, ненадолго вернулся в дом – переодеться и взять припас – и пошёл вперёд, в сторону леса, на краю которого виднелись увешанные цветными лентами деревья. Шакнир, поправив дорожный мешок и поудобнее перехватив посох, последовал за ним.

Вилеамир двигался ходко, несмотря на ощутимые последствия вчерашних возлияний. Вскоре они достигли границы Талеро и вышли к лесу.

– Вот и древний Эленвильский лес, – наставническим тоном промолвил Вилеамир и повёл рукой. – На протяжении веков он даёт возможность существовать сотням людей. Охота, собирательство, деревообработка, уголь, пасеки с лесными пчёлами... Много разного. Талеро,

как и многие другие посёлки и города, живёт только благодаря лесу. Поэтому мы и чтим лесных духов. Без их благоволения и звери обходят наши ловушки, и пчёлы не дают мёд, а особенно провинившиеся, бывает, и пропадают в лесной чаще. Люди освоили лишь малую часть, самый край, а вглубь никто и не думает лезть.

– И что там? Я многое слышал. И про чудовищ, и про опасности, и про несметные сокровища, – Шакнир всерьёз заинтересовался. Рассказывал Вилеамир интересно.

– Как я уже говорил, точно никто не знает, – пожал плечами охотник. – Есть легенды о лесном народе, что живёт там тысячи лет, владеет всеми тайнами и не лезет во внешний мир. Многие утверждают, что видели их, но все описывают настолько по-разному, что я склонен считать эти рассказы байками. Кто-то твердит, что в самом сердце леса до сих пор стоят города Первых, пронизанные их страшной древней магией, – Вилеамир хмыкнул. – И, конечно, записные вральи утверждают, что там скрыты артефакты, дающие всемогущество, и уж они-то знают, как их найти. И обычно просят поставить бутылку крепкого, чтобы было легче рассказывать.

– А во что ты веришь сам? – любопытствовал убийца.

– Я предпочитаю не ломать голову, – после долгого и почему-то тягостного молчания ответил охотник, – не собираюсь лезть туда. Жизнь дорога. Просто стараюсь делать своё дело, не задумываясь над тайнами, которые мне никогда не познать. Лесных духов я уважаю, ибо в их реальности сомневаться не приходится – для тех, чья повседневность связана с лесом, это столь же очевидно, как и то, что солнце всходит на востоке. И, думаю, лесной народ всё-таки существует. А остальное – не моего ума дело.

– Ох, непростой ты мужик, Вилеамир, – заметил Шакнир.

– Никто не простой, – охотник замолчал, погрузившись в свои мысли. Убийца ожидал продолжения, но его не последовало.

Они уже изрядно углубились в лес, но эта часть была заселена – тут и там виднелись тропинки, хижины охотников, пасеки на полянах. В одном месте поднимался столб дыма – там, как разъяснил Вилеамир, орудовали углежогы. Охотник не слишком одобрял их работу, тем более в Зелёные Дни, но вынужден был признать, что дело это важное и нужное.

Вскоре обитаемые места закончились. Лишь изредка попадались следы деятельности человека – охотничьи силки, едва видимые тропки, плохо засыпанные кострища. Сюда охотники ещё ходили, но вскоре, как сказал Вилеамир, им придётся расстаться.

Так и произошло спустя примерно час непростого пути. Охотник остановился и придержал Шакнира за локоть:

– Всё, дальше я не пойду. Я тех мест знать не знаю, никто из наших даже сюда не забредает. Видишь, и тропок уже нет.

– Вижу, – убийца оставался совершенно спокоен, – Тогда я пойду? Скажи только, какого направления придерживаться.

– Подожди, – охотник помялся, затем полез в наплечный мешок, – вот, возьми, – он протянул Шакниру угловатый сучок, на котором было повязано несколько разноцветных лент. В одном месте была аккуратно снята кора, виднелся зеленоватый лубяной слой, такой свежий, будто сучок срезали не больше часа назад. – Он очень долго мне помогал. Он всегда указывает направление на Талеро, если зажать его в кулаке. Оставляя наш посёлок справа-сзади, рано или поздно ты выйдешь примерно туда, куда тебе нужно.

– Выглядит свежим, – отметил Шакнир, бережно принимая и зажимая в кулаке сучок. Он исправно повернулся в ту сторону, где находился посёлок.

– Это путевик. Он и есть наглядное доказательство существования духов леса. Ладно, я пойду, – Вилеамир выглядел смущённым своей добротой.

– Подожди. Почему? Ты мог бы не давать мне его. Наверняка это ценная и редкая вещь.

– Я не знаю, хороший ты человек или вовсе худой, – после недолгого молчания ответил Вилеамир. – Скорее худой, конечно. Но, каким бы ты ни был, тебя наверняка ждут опасно-

сти. Мне кажется, что нужно помогать людям, даже если они тебе не очень нравятся. А себе я новый попробую сделать – меня когда-то давно научили, – охотник подумал ещё и, когда Шакниру уже показалось, что больше он ничего не скажет, тихо произнёс: – Мне самому однажды не хватило храбрости поступить так, как должно. А тебе, видимо, хватает. Удачи, Шакнир. Будешь проезжать когда Талеро – заглядывай на огонёк. Расскажешь, что там, в сердце леса.

Вскоре широкая спина охотника скрылась за деревьями. Шакнир остался в полном одиночестве. Глотнув воды и сверившись с путевиком, он бодро направился в нужную сторону. Яркое солнце пробивалось меж кронами деревьев, высвечивая изумрудный травяной ковёр под ногами.

Дорога в лесной чаще была не самой простой, но спокойной. Убийца шагал споро, даже периодически насвистывал себе что-то под нос, пребывая в отличном настроении. Предстоящие трудности и возможные опасности его мало пугали – он предпочитал не думать о них раньше времени, пока не придётся столкнуться лицом к лицу. Однако лес казался спокойным и умиротворённым, погода стояла превосходная, и сложно было поверить, что где-то здесь пропадают одинокие путники, организованные отряды и даже имперские научные экспедиции, как уже несколько раз бывало.

Заслышав чуть в стороне журчание воды, Шакнир вышел к небольшому ручью, протекавшему по краю маленькой круглой поляны, и пополнил запасы воды. Неподалёку он заметил одинокого непуганого тетерева и сразил его метким броском кинжала – птицу он решил запечь на ужин, если где-нибудь встретится глинистая местность. Пока подвешенный за лапы тетерев истекал кровью, убийца передохнул, поправил снаряжение, сверился с путевиком, завернул тетерева в холстину и направился дальше, периодически поглядывая на волшебный сучок. Обычный компас у Шакнира тоже имелся, однако убийца, убедившись несколько раз, что путевик не врёт, предпочёл переложить его в дорожный мешок и не трогать лишний раз ценный прибор.

Яркий дневной свет сменился мягким вечерним, а после и ранними сумерками. Лес сгущался, в некоторых местах становясь непроходимым, и Шакниру приходилось делать крюк, чтобы обойти очередной завал или неожиданный овраг. Но в остальном путь проходил на удивление беспрепятственно – никакие лесные чудовища Шакнира не тревожили. Обычные звери попадались неоднократно, но опасности они не представляли – травоядные предпочитали скрываться в чаще, хищники же, оценив и почуяв исходящую от человека уверенность в своей силе и уловив слабое дуновение магии от лежащих в сумке камней ким, решали найти себе добычу попроще. Лишь однажды за ним увязался лайлек, характерный для этих мест родственник волка и лисы, хитрый и жестокий зверь, предпочитавший нападать на спящих, больных и слабых жертв. Он крался за Шакниром по пятам, шагах в двадцати, то немного отставая, то сокращая дистанцию. Спустя четверть часа Шакниру это надоело, и он, внезапно развернувшись, поднял над головой дорожный посох и бросился на лайлека, бешено размахивая своим оружием и надрываясь в истошном вопле. Зверь, опешивший от внезапного нападения, трусливо поджал хвост и скрылся в кустах, испуганно подвывая. Убийца довольно осклабился и направился дальше, попутно благодаря всех богов (и, на всякий случай, лесных духов) за везение – одинокий лайлек для крепкого человека опасности не представлял, однако стаи этих хищников изредка нападали даже на деревни, терзая и калеча как двуногих, так и четвероногих её обитателей. Видимо, зверь отбил от стаи или был изгнан вожаком – лайлеки редко становились одиночками, это противоречило самой их природе.

Когда мрак стал почти непроглядным, и даже Шакнир, с его неплохим ночным зрением, уже думал о ночлеге, он вышел к небольшому, шагов тридцати в диаметре, лесному озеру, где и решил остановиться. Его немного смущали слабые отголоски магии, витавшие над поверхностью озера, но очень уж оно было привлекательно: один берег был достаточно крут для того, чтобы соорудить укрытие, использовав изрытый мелкими грызунами склон в качестве природ-

ной стены, а неподалёку убийца нашёл пласт глины, вполне подходящей для его кулинарных целей. Но главное – вода в озере была кристально чистой. Убийца сгрузил пожитки у самого склона и с удовольствием опустился на невесть откуда взявшийся здесь квадратный камень, принявшись за тетерева.

Сначала он выпотрошил птицу, вынув внутренности и прикопав их чуть в стороне, чтобы на запах не пришли ночные хищники. После отрезал голову, бросив её к потрохам. Налитый кровью птичий глаз смотрел туповато и укоризненно. Вырыв ямку глубиной в локоть, Шакнир взял глину и густо обмазал ею тушку тетерева, даже не выщипывая перьев, опустил её в ямку и прикопал глиной и землёй. На этом месте убийца, набрав охапку валежника, развёл костёр, не очень высокий, но достаточно жаркий. У Шакнира было примерно два часа, и он принялся проверять оружие и снаряжение, удобнее укладывая его в мешке, попутно подлатав балахон – в одном месте он зацепился за сучок, и крепкая ткань слегка надорвалась.

Спустя положенное время, когда Шакнир уже запаривал в металлическом котелке горячий ароматный настой из лесных трав, костёр начал затухать. Дождавшись, пока останутся лишь мерцающие угли, убийца широким суком сгрёб их в сторону и выкопал тетерева. После того, как раскалённая глина немного остыла, Шакнир легко снял её вместе с перьями, и в руках у него осталась ароматная, истекающая мясным соком тушка птицы, пропечённая ровно так, как нужно. Он с удовольствием впился зубами в ножку, утоляя первый голод.

Через час, когда перестали мерцать последние угли, от тетерева осталась лишь одна нога (на завтрак), а снаряжение было многократно осмотрено и уложено, казалось, наилучшим образом, Шакнир приготовился ко сну. Лёг на мягкий ковёр травы, накрылся плащом, что скатанным лежал на дне мешка, раскинул простенькое охранное заклинание – оно будет, конечно, всю ночь тянуть энергию Фай, которой в камнях осталось не так уж и много, зато мгновенно разбудит его, стоит кому-то приблизиться с дурными намерениями, будь то зверь или человек. Почти мгновенно, как, впрочем, было всегда, убийца заснул.

Ночью Шакнир подскочил с лежанки, как ошпаренный, и сразу схватился за кинжалы. Спросонья он не понял, что его разбудило, но почти сразу догадался – сработало заклинание! Шакнир завертелся волчком, смотря во все стороны, выискивая, откуда надо ждать удар. Благо ночь стояла звёздная, и небесное величие прекрасно отражалось в глади озера... Озеро!

Зеркальная поверхность тихого лесного водоёма рябила, будто внезапно поднялся сильный ветер. Но ветви деревьев оставались спокойны. Шакнир напрягся, готовый отражать нападение. Из центра озера поднялась фигура, внешне напоминающая человеческую, и громогласный голос сотряс всё вокруг:

– Кто ты, смельчак, вторгшийся в мои владения? Отвечай, или сожру твою душу!

Шакнир молчал. Что-то было неправильно, но он не мог поймать мысль. Появление таинственной фигуры отчаянно ему напоминало о чём-то другом.

– Отвечай, или познаешь всю мощь моего гнева! – надрывался голос. – Примешь в себя моё пагубное дыхание, и лёгкие твои лопнут, не выдержав его!

Разгулялся ветер, разбрасывая остывшие угли костра и свистя в кронах деревьях. Озеро заколыхалось пуще прежнего, магические блики покрывали всё вокруг. И Шакнира вдруг осенило. Спектакль! Вот что это было. Театральное представление. Магические потоки извивались вокруг, но очень слабые, уровня ученика магической гильдии, или какого-нибудь деревенского самородка, что умеет заговаривать телят от несварения и лечить лёгкие раны. Дрожание озера, освещённая Эрлидой фигура, громовой голос – это наверняка должно напугать одинокого путника до дрожи в коленях. Но Шакниру доводилось видеть вещи неизмеримо более страшные, посему он выпрямился и убрал кинжалы в ножны, готовый, однако, к любой схватке – магия есть магия, и даже самая слабая может причинить нешуточный вред.

– Заканчивай это представление, любезный, – голос убийцы звучал устало. – Душевно тебя прошу. Я не выспался, и у меня болит голова.

– Ты, жалкий червь! Как смеешь говорить так со мной? – неизвестный не оставлял попыток вернуть себе инициативу. – Готов принять моё дыхание, жалкий человечиска?

– Право слово, не стоит. И почему ты не оказался прекрасной лесной девой? – риторически спросил Шакнир. – Есть хочешь?

– А что там у тебя? Я вечером чуял такие ароматы! – голос звучал уже гораздо тише.

– Печёный тетерев. Правда, осталась только нога. Есть ещё сушёное мясо, но вряд ли оно тебе понравится. Жестковато.

– Уговорил, – фигура направилась к берегу, ступая прямо по успокоившейся воде, – давай своего тетерева, и тогда тебе не придётся испытывать на себе пагубную силу моего дыхания.

Шакнир рассмотрел жителя озера внимательнее. Он очень напоминал человека, но кожа была голубоватой, нос сплюснутым, уши большими, круглыми и прижатыми к голове. Между пальцами рук и ног имелись перепонки, а сами пальцы были тонкими, длинными и заканчивались толстыми острыми когтями.

– Вот, держи, – Шакнир протянул ножку тетерева. – Для себя берёг, но ладно уж.

– Ох, спасибо, давно мечтал! Плохо мне удаётся ловить их, да и с огнём я не очень дружу, сам понимаешь, – голубоватый рвал зубами остывшее мясо. – Кстати, меня зовут Аннариит-Ломо, можно просто Ан. Я лесной дух. Живу-то я в озере, конечно, но отношусь именно к лесным, озеро ведь в лесу.

– Ясно, лесной дух. А я Шакнир.

– Очень приятно, – голос Ана был немного неприятным, шершавым, словно скрип гальки, но вполне дружелюбным. – Пока я ем, расскажешь мне, что происходит во внешнем мире? Последние новости я слышал, пожалуй, лет шестьдесят назад, когда сюда случайно забрёл заблудившийся охотник.

Шакнир, припоминая, что произошло за последние полвека, принялся сумбурно рассказывать духу свежие (для него) новости – долгий мир в Империи, правление Ронана II Килкита, достижения людей и Горных в науках, установление дипломатических связей с Патаром, новые законы и уложения. Ан, когда пришла его очередь, поведал о жизни лесного духа, скучной и однообразной. По его словам, лет триста назад он действительно мог своим дыханием смести сотню воинов в латах, но сейчас лес слабел. Это было неизбежно – магические потоки не инертны, они постоянно перемещаются, как по естественным причинам, так и в силу созданных человеком возмущений в Эфире. Магия уходила из леса, а с ней теряли силы и духи. Те, кто жил на окраине леса, питались верой людей и ещё что-то могли, такому же, как Ан, обитателю чащобы, оставалось лишь ждать неминуемой участи – когда потоки совсем иссякнут, он станет обычным лесным существом, лишённым и тени колдовских возможностей.

– Правда, ходят слухи, что в сердце леса дремлет волшебство настолько древняя, что и самые сильные из нас не суются туда, – закончил рассказ Аннариит-Ломо, вращая белёсыми рыбьими глазами. – Там у них свои хранители леса, облик которых настолько противен даже нашему глазу, что и говорить не хочется.

– А про лесной народ – правда? – осведомился Шакнир.

– Ага. Но они редко выходят на разговор. А спрятаться могут так, что человек в жизни не найдёт их. Они плоть от плоти леса, чувствуют его так, как даже нам не дано.

– И как они выглядят?

– Если вдруг встретишь – узнаешь, – хитро улыбнулся лесной дух. – А нет, значит, не судьба. Дай руку.

Убийца, уже убедившийся, что дух не желает зла, протянул левую руку. Аннариит-Ломо задрал рукав балахона и положил перепончатую ладонь Шакниру на предплечье. Шакнир почувствовал дыхание магии, кожу обожгло холодом, и увидел на руке рисунок, сделанный зелёным цветом будто бы тонкой, с волос, кистью – переплетение узоров и орнаментов, странные знаки и символы, в которых угадывались не то цветы, не то невиданные звери.

– Это наш знак, – объяснил Ан, – любой лесной дух поможет тебе, почуяв его. Но води себя пристойно. Не бери от леса больше, чем потребуется.

– Хорошо. Так и делаю, – серьёзно и с благодарностью ответил Шакнир.

– Вот и славно. Ладно, Шакнир, спасибо за угощение. Спи, спи. Я постерегу. Мне-то спать необязательно. Утром ещё поговорим – давно я не вёл таких увлекательных бесед!

Шакнир, тоже отлично проведя время (дух действительно оказался отличным собеседником), вернулся на лежанку и вновь уснул. Мимоходом он подумал, что Ан вполне может обидеться на недоверие – Шакнир всё-таки оставил охранное заклятие действующим. Но жизнь научила убийцу, что осторожность никогда не бывает лишней.

ГЛАВА 6. Жители сердца

Остаток ночи прошёл без происшествий. То ли в лесу было спокойно, то ли Анна-риит-Ломо действительно взял на себя обязанности часового, но Шакнира никто не потревожил, и он великолепно выпался. Поднявшись на рассвете, он позавтракал мясом и лепёшкой, запив нехитрую снедь остывшим, но настоявшимся травяным отваром. Вышедший из озера Ан примостился рядом, на аккуратном прямоугольном камне, один из которых служил сиденьем и Шакниру. Он ещё вчера обратил внимание на их явно рукотворное происхождение.

– Послушай, дух лесной, – начал убийца, дожёвывая мясо, – а что это за камни? Явно не природа их сделала.

– А это неведомо никому. Они древнее и меня, и всех, кого я знаю, – при свете дня лесной дух выглядел ещё более невзрачным, чем ночью. Кожа его отливала нездоровым серым цветом. – Может, творение Первых, а может, даже тех, кто был до них.

– А что, Первые на самом деле и не первые вовсе? – удивился Шакнир.

– Конечно, Шакнир. Самые старые духи леса говорят, что мир прошёл много кругов, всё уже повторялось, и всё, что происходит сейчас, когда-то уже бывало.

– Как это понимать?

– Я и сам толком не знаю, – признался Ан. – Смекаю, что они говорят о прошлых цивилизациях, но кто их разберёт?

– А почему всё же вас называют духами? Ты, насколько я вижу, вполне себе материальный, – убийца собирал вещи. Пора было выступать.

– Я-то да... Когда-то я выбрал такую оболочку. Сейчас, спустя почти шесть сотен лет, я могу покинуть её, но лишь ненадолго. Есть те, кто не привязывает себя к облику, они могут стать хоть зверем, хоть птицей, хоть деревом. Но на сравнительно небольшое время, – дух рассказывал с явным удовольствием, собеседника у него не было давно. – Есть некоторые из нас, которые презирают всякое тело, но и общаться с другими им очень сложно. Есть потерявшие разум, они могут вредить даже лесу, что противоречит нашей сущности. Таких мы стараемся... обезвреживать.

– Убивать? – заинтересовался Шакнир.

– Нет. Духа нельзя убить. Почти, – поправился Анна-риит-Ломо. – Если ты сейчас воткнёшь в меня острый кинжал, физическое тело умрёт. Я буду вынужден выбрать себе новое, и только. Есть специальная магия, которую люди почти забыли... Только Лесные помнят её. И то не все – многие из них, знаю, принимают образ жизни людей, селятся в городах и посёлках. Как и Горные. Вы, люди, никогда не сможете завоевать всех, но ваша культура рано или поздно сделает это за вас. Вспомнишь меня, когда так случится.

– Боюсь, я до этого не доживу, Ан, – улыбнулся Шакнир.

– Как и я, – пожал плечами дух. – Убить нас почти нельзя, но сами мы умираем. Слабеем, чахнем, а когда магия окончательно покидает нас, со временем растворяемся в Эфире. – Может, погостишь ещё денёк? – Ан с надеждой посмотрел на Шакнира.

– Прости, но мне пора.

– Я и не рассчитывал на другой ответ, – Анна-риит-Ломо осунулся и потускнел ещё больше. Серому стало жалко лесного духа, обречённого на медленное угасание в одиночестве. – Удачи, Шакнир. Уважай лес, и он не даст тебе пропасть.

С этими словами Анна-риит-Ломо, легко и ловко развернувшись, скользнул в воды озера. Вода слегка дрогнула, но через миг вновь стала зеркально гладкой. Убийца, собиравшийся что-то сказать на прощание, лишь покачал головой и закинул на плечи дорожный мешок. Подумав, выложил кусок мяса и варёное яйцо из своих скудных запасов и оставил на берегу.

Дорога по лесу проходила ещё легче, чем вчера. Казалось даже, что ветви деревьев сами расступаются перед убийцей – впрочем, вполне возможно, что так оно и было. Однажды следом вновь увязались лайлеки, числом двое, но неожиданно чуть в стороне раздался рёв, и хищников как ветром сдуло. Шакнир приготовился, словно натянутая тетива, и вдруг увидел медведя, вышедшего из-за ближайших кустов. Огромный бурый зверь с лоснящейся шерстью смотрел умно и доброжелательно, розовый язык выпал из пасти и слегка покачивался в такт тяжёлому дыханию. Шакнир двинулся своей дорогой, и медведь пошёл параллельным курсом, не выпуская человека из виду, но и не приближаясь. Казалось, что он должен ломать всё на своём пути, но двигался медведь так легко и привычно, что зачастую проходил через заросли без единого звука.

Шакнир держал тот же темп, что и в самом начале пути, иногда делая привалы, чтобы дать отдых натруженным ногам. Медведь держался на почтительном расстоянии, и убийца привык к эскорту, перестав обращать на него внимание. Ближе к вечеру, когда лес окрасился первыми закатными лучами, медведь на прощание громко рыкнул и удалился в чащу. Странная метка, красовавшаяся теперь на руке Шакнира, дала о себе знать – ощущение было такое, будто по руке, едва касаясь кожи, провели лёгким пёрышком.

Почти сразу после того, как зверь скрылся в глубинах леса, Шакнир почувствовал запах костра и пищи. Вскоре он вышел на большую, почти идеально круглую лесную поляну, в центре которой и горел костёр. Над костром, нанизанное на тонкие веточки, жарилось мясо. Ароматный сок капал вниз, и в этом месте угольки рассыпались десятками ярких искр. А возле костра, протянув к нему руки (Шакнир только сейчас заметил, какие же они старческие), сидел Азат. Убийца вернул кинжалы в ножны и вышел на поляну.

– Старик, если ты можешь столь легко шастать туда-сюда, почему бы тебе не перенести меня прямо в Скирот? – убийца не понимал, что его так злило в поведении волшебника. Пожалуй, лишь чувство того, что за ним постоянно следят.

– Присядь у костра. Сейчас будет готова еда, – ничуть не смутившись, ответил маг.

– Серьёзно, если ты так умеешь, в чём проблема?

– В том, что так не умеешь ты, – Азат взял одну из палочек и впился зубами в мясо. – Думаешь, всё так просто? Я взял тебя за ручку и подкинул куда надо? Я, конечно, могу сделать это, но твой мозг не выдержит путешествия. Просто сгорит. Может, ты и не умрёшь, но до конца жизни будешь пускать слюни и есть каши. Оно тебе надо?

– И много вас таких, кто умеет так делать? – Шакниру не оставалось ничего, кроме как присоединиться к трапезе. Тем более, надо было отдать должное кулинарным талантам мага, мясо было очень вкусным – нежным, мягким и сочным.

– Нет. Единицы. Я же говорил, что моя сила велика. Вот это я и хотел обсудить, – когда Азат начинал общаться таким тоном, убийца понимал, что разговор будет серьёзным. Он подбрался и весь обратился в слух. – Слушай меня. А лучше – смотри, – маг показал в сторону леса на противоположном конце поляны. Он чем-то неуловимо отличался от того, из которого Шакнир только что вышел. Был чуть более тёмным и мрачным, чуть более зловещим, чуть более неживым.

– Теперь я вижу. Что это, старик?

– Там начинается центральная область, которую зовут сердцем леса. Она пронизана магией настолько древней, что вся моя сила по сравнению с ней – ничто. Не стану тебя страшать и говорить, что ты неминуемо погибнешь, только войдя туда. Магия сама по себе абсолютно безвредна, если нет того, кто применит её против тебя. Но гарантировать, что такого существа не найдётся, я не могу.

– Это магия Первых?

– Думаю, даже более ранняя... Сейчас попробую объяснить. Где-то там, думаю, есть изначальный поток магической энергии, – Азат достал излюбленную трубку, закурил, – той, что

не делится ни на какие Оз, Фай и так далее, что идёт из Эфира, или из самой сути мироздания, или из сердца планеты – мнения на этот счёт разнятся. Таких потоков всего несколько – по крайней мере, тех, о которых нам известно. И мы не умеем ими управлять. Никак. Максимум – почувствовать. И то не все, а самые одарённые. Эта энергия совершенно другой формы, она отличается от известной нам магии так же, как холодный Терманский океан отличается от городской сточной канавы. Первые умели использовать её, но их знания считаются утерянными. Там я буду бессилен. Я даже попасть туда могу только как обычный человек, ногами. Как только ты выйдешь из сердца, я почую тебя и постараюсь оказаться рядом так быстро, как будет возможно. Но до этого момента ты один.

– Меня это не пугает, старик, – Шакнир расправился с порцией мяса и принялся за вторую. – Я привык быть один.

– Тут иное. Ты всегда можешь предположить, что ждёт тебя, так? – убийца нехотя кивнул. – Вот. А здесь этого не может знать никто. Всё, что я могу предложить тебе – отдых на этой поляне. Ты можешь сейчас заснуть и спать столько, сколько нужно, не заботясь о безопасности. Я буду сторожить. Тебе предстоит трудный путь, Шакнир. Набирайся сил.

Убийца не стал отказываться от услуг мага, а последовал его совету. Когда последние лучи заходящего солнца скрылись за не видимым отсюда горизонтом, а на небосводе проклюнулись первые робкие звёздочки, Шакнир уже крепко спал.

Убийца проснулся ранним утром, и мага уже не было рядом. Он хотел было мысленно возмутиться – Азат ведь обещал охранять его – но почуял аромат табака и понял, что старик исчез буквально несколько мгновений назад, за секунды до его пробуждения. Подивившись в очередной раз магической силе Заказчика, убийца начал собираться в путь. Засыпал ещё тёплые угли костра землёй, уложил и навьючил на себя дорожный мешок, проверил, легко ли выходят клинки из ножен, подхватил посох и уверенно двинулся вперёд. В голове поселилось странное беспокойство, ему не хотелось идти в ту часть леса, где витала странная, чуждая всему человеческому магия, но Шакнир, не обращая внимания на беспокоящий сердце холодок, без колебаний раздвинул кусты и покинул уютную поляну.

Он не мог сказать точно, что изменилось. Вроде деревья были такими же, трава всё так же переливалась изумрудными отблесками в первых лучах восходящего солнца, даже птицы пели – пусть реже, но не менее весело, чем в остальной части леса. Но ощущалось что-то неведомое, не дававшее расслабиться ни на секунду, держащее в постоянном напряжении. Оно витало вокруг, щекотало затылок, забиралось под одежду холодными пальцами тревоги. Ладони Шакнира вдруг предательски вспотели, и он, остановившись и тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, не нашёл ничего лучше, чем пойти дальше, в нужном направлении.

«Кстати, о направлении», – подумалось вдруг убийце. Уже почти наверняка зная, что увидит, он достал путевик и зажал в кулаке. Конец сучка равномерно вращался, описывая идеальные круги. Его можно было бы использовать вместо циркуля, но не в качестве компаса – с которым происходило то же самое, как убедился Шакнир минуту спустя. Впрочем, солнце и не думало менять свой ежедневный путь от востока к западу, и убийца решил ориентироваться главным образом по нему.

Прошло ещё два часа монотонного пути. Беспокойство нарастало, но Шакнир, стараясь думать лишь о том, чтобы не попасть ногой в какую-нибудь яму, с размеренностью автоматической машины Горных шёл вперёд. Пейзаж вокруг вновь едва заметно изменился. Деревья на первый взгляд были неотличимы от обычных, но было в них что-то неуловимо инородное. Иногда слышался звук, очень похожий на слабый вздох – всегда за спиной или сбоку. Одно из деревьев, сгорбленное и сухое, напоминало упавшего на колени человека, сложившего руки в молитве к Великой Троице. Когда-то давно, будучи ещё ребёнком, он слышал от ребят рассказы о живых деревьях, что пожирали забредших слишком далеко охотников и собирателей. В те времена они, как и все дети, любили рассказывать друг другу страшные истории, но, как

подумал сейчас повзрослевший Шакнир, не все из них были чистым вымыслом – он уже не сомневался, что в некоторых местах деревья живут своей странной жизнью. Держа левую руку наготове, возле рукояти кинжала, а правой крепко сжимая посох, он, однако, не выказывал агрессии, помня наставления Вилеамира и лесного духа Ана. Вряд ли они знали тонкости поведения живых деревьев, но, как считал Шакнир, здесь действовало то же незыблемое правило – если к тебе не проявляют враждебности, то и провоцировать не надо.

Рощица с живыми деревьями закончилась внезапно, будто кто-то неведомый прочертил границу на земле. Исчезли вздохи, шевеления, видимые лишь боковым зрением, навязчивое ощущение взгляда в спину. Шакнир вышел на большую, идеально круглую поляну, в центре которой возвышалось что-то вроде пирамиды высотой в три человеческих роста. Убийца подошёл ближе и присмотрелся. Сооружение было составлено из идеальных кубов-камней, пригнанных друг к другу настолько плотно, что между ними невозможно было просунуть лезвие самого тонкого ножа. На камнях проступали странные узоры и неведомые руны, не высеченные, а будто выплавленные в камне, уже слегка поистёртые временем, но ещё отчётливо различимые. Чёрные бороздки были идеально чистыми, без единой пылинки, да и всё сооружение, хоть и выглядело древним, сохранилось очень хорошо. В некоторых местах камни зияли щербинами, один угол слегка просел в землю, но в целом пирамида была цела и невредима. В камнях были высечены ступени, и Шакнир после минутного колебания поднялся на вершину, где располагался странный алтарь – длинный, узкий, с большим сквозным яйцевидным отверстием в одном из концов. Аккурат под отверстием располагался каменный люк с побитой ржавчиной, но всё ещё целой металлической ручкой. Возле боковой части алтаря находилось каменное сиденье с высокой спинкой, на правом предплечье которого красовался короткий рычаг, украшенный всё той же искусной резьбой. Ради интереса убийца подошёл к рычагу и аккуратно тронул его пальцем. Рычаг, казалось, чуть качнулся, и Шакнир как можно скорее отдернул руку.

Изнутри пирамиды послышался глухой стук, и убийца поскорее сбежал по ступенькам вниз, опасаясь разрушения и кляня себя за лишнее любопытство. Задерживаться у алтаря сгинувшей цивилизации – скорее всего, это было дело рук Первых – в его планы не входило, но интерес пересилил осторожность. Когда Шакнир почти достиг нижней ступени пирамиды, он почувствовал мягкое прикосновение к шее и понял, что не может дышать. Горло его было схвачено тёмно-синей верёвкой, шершавой и липкой, источавшей гнилостный запах, что был одновременно отвратителен и сладок. Что-то маленькое и такое же липкое заело зило по его лицу, и убийца понял, что это вовсе не верёвка. А щупальце.

Он выхватил длинный клинок из посоха и взмахнул наугад, за спину, не целясь. Раздалось шипение, хватка ослабла, и убийца кубарем скатился со ступеней, упал на спину, судорожно хватая ртом воздух. В том самом месте, где угол пирамиды осел, а кладка раскрошилась, из крохотной, но становящейся всё больше щели просачивалась буро-синяя масса, из которой торчал обрубок щупальца, разбрызгивая вокруг удивительно яркую алую кровь. В тех местах, где существо касалось испещрённых рунами камней, оно с шипением отдёргивалось, но камни осыпались, кладка не выдерживала, и убийца принял единственно верное решение – бежать. На ходу спрятав клинок обратно в посох, он ринулся к краю поляны.

Убежал Шакнир недалеко. Ноги сплело чем-то липким, похожим на паутину синеватого цвета. Когда убийца попытался разрезать её кинжалом, острейший клинок чёрной тервизской стали увяз, словно обычный кухонный нож. Чудовище выбралось уже наполовину. Оно было большим, чуть меньше самой пирамиды, уже почти полностью разрушенной, с несколькими десятками щупалец по обеим сторонам бесформенного бугристого тела. Огромная пасть, усеянная шишковатыми выступами, мало напоминавшими зубы, но наверняка опасными, открывалась и закрывалась. Единственный огромный глаз, закрытый полупрозрачной мембраной, качался на короткой ножке посреди головы. Глаз смотрел туповато, но вполне разумно. Шак-

нир схватил крупный острый камень и метнул его, целясь в немигающее око. Одно из щупалец с невероятной скоростью, поразившей даже тренированного убийцу, взметнулось вверх и легко отбило камень в сторону. Чудовище перекатилось-перетекло ближе к Шакниру, прижало его к земле отвратительной конечностью и вновь полезло к лицу.

«Глаза!» – осенило Шакнира. Открытие, правда, было не из приятных. Монстр явно пытался сначала выковырять глаза убийцы. Шакнир будто наяву увидел картину – древние времена, неведомые существа кладут своего сородича на алтарь лицом вниз, лицом аккуратно в яйцевидное отверстие, и кто-то главный, восседающий на каменном сиденье, движением рычага открывает люк, позволяя чудовищу... Позволяя...

Шакнир стряхнул секундное наваждение. Тоненький стебелёк, растущий из основного большого щупальца, шарил по его лицу, оставляя липкие следы, и, когда наткнулся на глазницу, попытался влезть под крепко зажмуренные веки. Ему это практически удалось, стебелёк продвинулся на миллиметр, потом ещё, ещё... Шакнир изогнулся, как мог, весь в липкой жиже, и заорал, когда почувствовал, что стебелёк царапнул по боковой стороне глазного яблока, стремясь добраться глубже, внутрь, чтобы выдернуть глаз, словно картофелину из земли.

Вспышка. Шакнир не понял, что произошло, но его накрыло волной магии. Чудовище взревело, хватка ослабла, а потом исчезла вовсе, как и стебелёк, изучавший глазницу. Убийца чувствовал, что магическая волна проходит сквозь него, сжигая монстра дотла, выплёскивая столь мощные потоки энергии, что тот превращался в вонючую бурю лужицу. Единственный глаз лопнул, щупальца съёжились и опали, из многочисленных разрывов на бесформенном туловище хлестала ослепительно алая кровь, испаряясь ещё в воздухе. Убийца, казалось, стал вовсе бестелесным, сам превратившись в поток энергии. Не выдержав колоссального напряжения, мозг Шакнира погас, унося его во тьму забвения.

Сознание возвращалось медленно и мучительно. Шакнир постарался разлепить веки, но не смог – всё лицо стягивала корка. То же было и с обнажённым телом. Убийца попытался пошевелиться, но даже малое движение вызвало новый провал в темноту.

...

– ...это первая Заповедь. Она, как видите, самая простая. – Карающий, пожилой, но ещё крепкий невысокий мужчина со скучающими глазами расхаживал перед толпой сидящих мальчишек и девочек, заложив руки за спину. Не далее, как четверть часа назад он отрезал мочку уха одному из самых хулиганистых, что корчил рожи и показывал непристойные жесты у Карающего за спиной, и поэтому тишина стояла идеальная. Истекающего кровью наглеца, жалобно поскуливающего, увели к лекарю появившиеся неизвестно откуда помощники. – Всего Заповедей шесть. Вторая – «Серые не убивают, но карают виновных». О том, кого мы считаем виновными, а кого нет, вы узнаете позднее. И не надо смотреть на законы Империи, Альтерии или любого другого королевства. Они далеко не всегда совпадают с нашей точкой зрения. Очень часто, зная наши порядки, сам Заказчик предоставляет непреложные доказательства вины. Но бывает и так, что мы вынуждены искать их самостоятельно – тогда за это полагается большее вознаграждение. Позже наши мастера и наставники будут рассказывать о том, как искать доказательства, как определить, что человек лжёт, а также научат заклинаниям, позволяющим взять чужие воспоминания – правда, чтобы это сделать, нужно или ослабить человека настолько, чтобы он не смог сопротивляться, или попросить его открыть свой разум добровольно. Энергия разума Фай не так проста в освоении, как Шом, но вполне по силам каждому из вас.

– А Лим? Мироздание? Я о ней слышал, – неуверенно подал голос один из мальчишек.

– О, это самая сложная, но и самая могущественная энергия. Чтобы управлять потоками Лим, нужны годы тренировок, однако чародей, овладевший этим искусством, подчиняет себе пространство и время, и даже, говорят, может изменять уже прошедшие события. Но

сейчас мы говорим о Заповедях, – продолжил Карающий, – и мы подошли к третьей. «Открой лицо своему противнику и вложи в руки его клинок». Говоря проще – Цель должна знать, кто пришёл покарать, и иметь возможность себя защитить. Мы не какие-то грязные убийцы, что втыкают нож в спину в тёмной подворотне. Клану Серых уже больше полутысячи лет, и мы сильны своими традициями. Кто скажет мне, зачем нужна эта Заповедь? В чём её смысл – теоретический и практический? – Карающий оглядел толпу.

– Может, для того, чтобы показать наше отличие от других? – неуверенно подала голос тоненькая светловолосая девочка.

– Отчасти это так и есть, – благожелательно улыбнулся Карающий. – С нашей стороны – это жест благородства. Если наша Цель, к примеру, воин, доблестный и отважный, но где-то переступивший мораль, мы должны уважать его и дать возможность погибнуть не в постели с перерезанным во сне горлом, а с обнажённым клинком в честном бою. Нанести яд на свой кинжал не возбраняется, но вот подсыпать его в бокал с вином – уже не наш метод. Кроме того, в этом случае из бокала может отхлебнуть невинный, а это уже нарушение второй Заповеди. Однако есть и ещё один аспект, – продолжил Карающий, сделав театральную паузу, – практический. И он не менее важен. Чтобы убивать в честном бою, надо быть уверенным в своих силах. Так мы, Серые, постоянно совершенствуем тело и дух. Далеко не всегда наши Цели – разленившиеся торговцы и праздные обыватели. Очень часто приходится сталкиваться с головорезами, пустившими за свою жизнь крови столько, что хватит на доброе озеро. И любой Серый, зная, что придётся скрестить клинки с противником, проводит всё своё время в упорных тренировках, чтобы в решающий момент быть сильнее врага. Всем понятно?

– Да! – откликнулся нестройный хор голосов.

– Четвёртая Заповедь очень проста – «Да покарают того, кто поднял руку на Серого». Думаю, тут и так всё предельно ясно. В любой ситуации вы можете защищать себя, своих братьев и сестёр. Любыми средствами, которые придутся вам по вкусу. Некоторые из нас совершенствуются в магическом искусстве, другие предпочитают лёгкие и быстрые короткие клинки, есть и те, что полагаются только на кулаки – а убить человека голой рукой, скажу я вам, гораздо проще, чем каж...

...

Шакнир судорожно вдохнул чистый лесной воздух и постарался открыть глаза. Это удалось не сразу, что-то осыпалось, попало под веки, защищало. Ощущение было такое, будто тело очень долго и старательно обмазывали глиной, а после оставили застывать на солнце.

– Лежи, лежи, всё хорошо. Ты в безопасности, – голос был мягким, успокаивающим, чуть шипящим. – Кор тунет парентовет?

– Кор тун. Гешш. Пролит, – второй голос показался надтреснутым, будто бы старческим.

– Как тебя зовут, человек? – спросил первый голос. Убийца никак не мог нормально открыть глаза, руки тоже ослабли и плохо подчинялись воле. – Я Тильмит. А ты?

Шакнир наконец стряхнул с лица странную корку и разглядел говорящего. Сначала он показался ненормально высоким, но потом он с изумлением заметил, что представившийся Тильмитом на самом деле чуть выше метра, но примерно то же расстояние отделяет его ноги от земли. За спиной Тильмита трепетали тоненькие крылышки, похожие на стрекозиные, просвечивающие в лучах восходящего солнца. Существо было похоже на человека, но руки его, гнувшиеся сразу в двух суставах, доставали почти до колен, ноги были толстыми, с широкими ступнями, а лоб странно закруглялся назад. У Тильмита не было ни волос на голове, ни бровей, ни ресниц. Обладатель старческого голоса куда-то пропал, и убийца остался наедине со странным крылатым созданием.

– Меня зовут Шакнир. Я иду через этот лес, чтобы достичь того места, куда мне нужно попасть, – уклончиво ответил убийца. – Где я и кто ты?

– Ты в безопасности, у друзей, – Тильмит странно растягивал губы при разговоре и периодически закатывал светло-голубые, почти прозрачные, глаза. – Мы почувствовали, как твоя магия поразила отвратительного Ка-Роха, и прилетели как раз вовремя, чтобы забрать тебя и вылечить твои раны. Тебе надо ещё немного отдохнуть, и тогда ты сможешь продолжить путь.

– Кто вы такие? – спросил убийца, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Мы – линтиты. Те, кого вы, люди, называете лесным народом, – сложив губы трубочкой, ответил Тильмит.

В течение нескольких дней Шакнир приходил в себя. Странная магическая волна, что прошла через его тело и убила монстра, будто выжала из убийцы все соки. Шакниром владела постоянная слабость, он быстро уставал, ему хотелось посидеть, а лучше – прилечь. Линтиты, оказавшиеся вполне дружелюбными созданиями, относились к своему незваному гостю с уважением и некоторой опаской – убийца не стал разубеждать их в том, что это именно он своей разрушительной магией поразил Ка-Роха, который, по словам лесного народца, сидел там с незапамятных времён. Тильмит рассказал, что странная пирамида с алтарём наверху служила местом казни – преступника клали лицом вниз, в отверстие, и открывали заслонку, откуда Ка-Рох выпускал щупальца и высасывал мозг, не забыв перед этим насладиться излюбленным лакомством – глазами. Слушая бойкий рассказ своего опекуна, Шакнир поразился тому, как точно было видение, посетившее его во время схватки с чудовищем.

Сказать точно, какой народ смог изловить Ка-Роха, заточить его в пирамиду, а после использовать для изощрённого умерщвления преступников, Тильмит не мог. Он знал о Первых (почему-то называя их «ногастыми»), но только из преданий. Письменность лесного народа находилась в зачаточном состоянии, но, как выяснил Шакнир, она им и не требовалась – линтиты могли посылать друг другу зрительные образы и хранить их в голове так, будто они запечатлены на бумаге – достав и посмотрев в любой момент. Так линтиты передавали из поколения в поколение необходимые для выживания в лесу знания. Шакнир даже не сразу смог объяснить Тильмиту значение слова «рисовать» – настолько чужд ему был этот процесс.

Свободное время Шакнир проводил во сне, в размышлениях о природе магии, что спасла его от Ка-Роха, и в болтовне с Тильмитом. Силы понемногу возвращались, и убийца чувствовал себя готовым идти дальше, но решил не перечить хозяевам, лишь изредка намекая Тильмиту, что ощущает себя вполне здоровым. Дружелюбный опекун оказался единственным в поселении линтитом, кто знал человеческую речь. Его специально учили мудрецы лесного народа, выбрав в раннем детстве среди самых одарённых – правда, никто не мог толком сказать, зачем. Такова была традиция. Линтиты иногда взаимодействовали с забредавшими в лес охотниками, но чаще всего ради забавы – они были абсолютно самодостаточны, и весь остальной мир им не требовался и их не интересовал. Случалось, правда, что лесные жители выводили в обитаемые места заплутавших путников, делая это в силу природной своей доброты, но редко кому удавалось побывать в их поселении ввиду крайней его удалённости – можно было сказать, что Шакниру невероятно повезло.

Поселения линтитов поначалу весьма удивили убийцу – ему всегда казалось, что если у кого-то есть крылья, то жить он должен на высоте. Однако лесной народец селился в домиках, больше напоминающих землянки или норы, и передвигался преимущественно пешком. Крылья линтиты использовали в основном во время охоты, ничуть не считая это занятие неуважением к лесу. Правда, было одно отличие от людей – лесной народец охотился исключительно голыми руками, а, учитывая их небольшой рост, это было не так просто, так что шансы у них и у животных были равны. После небольшого раздумья Шакнир в разговоре с Тильмитом признал, что это справедливо.

На четвёртый день, когда убийца уже полностью пришёл в себя, к нему подлетел Тильмит, явно чем-то встревоженный.

– Вставай, Шакнир, вставай! – лесной житель возбуждённо жестикулировал. – С тобой хочет говорить Ви-Вилит, наш кениани... э-э-э... староста. Вождь.

– И что он от меня хочет? – убийца поднялся с удобного бревна, отложив в сторону наполовину разобранный посох – он занимался регулированием механизма, который высвобождал скрытый внутри клинок. В последнее время это происходило чересчур жёстко, и можно было потерять в бою драгоценные мгновения.

– Кениани хочет говорить. Мне не сказано, о чём. Но это наверняка важно.

– Не сомневаюсь. Веди, – кивнул убийца.

Тильмит пошёл чуть впереди, периодически взлетая и лавируя между буграми домов-землянок, Шакнир следовал за ним, думая о том, зачем он вдруг понадобился вождю. По рассказам Тильмита, благодаря которым он много узнал о жизни лесного народа, кениани был не совсем вождём в привычном для человека смысле слова; скорее, он объединял функции наставника и шамана. Управлением повседневной жизнью линтитов занимался своеобразный совет из четырёх-шести самых уважаемых жителей, кениани же пребывал в постоянных размышлениях, вмешивался в текущие дела крайне редко, но его слова выполнялись с безукоризненной точностью – считалось, что кениани общается с самой сутью леса, получая из него зрительные образы, и поэтому любое его слово есть благо для всего народа. В каждом поселении линтитов был свой кениани, и, если он по какой-то причине умирал, не успев выбрать себе преемника, жители такого поселения мигрировали в другие, бросая свои землянки и обустроенное хозяйство.

Кениани Ви-Вилит был стар даже по меркам линтитов, которые жили около полутора сотен лет. Кожа его была сморщенной, обвисшей, крылья посерели и съёжились, ноги дрожали даже тогда, когда он сидел. Ви-Вилит принял Шакнира, устроившись на широком толстом корне у истока прозрачного и звонкого лесного ручейка, кидая опавшие листики в воду и наблюдая за их движением. Взмахом руки отослав подальше Тильмита и подождав, пока тот удалится на приличное расстояние, кениани вдруг сложил губы трубочкой, что у лесного народа считалось неким подобием улыбки.

– Располагайся где хочешь, человек, умеющий убивать, – речь Ви-Вилита была на удивление чистой, а голос – глубоким и сильным, ничуть не подходящим для такого некрупного существа. – Я не отниму твоё время.

– Спасибо, – ответил Шакнир, присаживаясь на кочку. Он почти не удивился тому, как хорошо кениани владеет человеческой речью – с тех пор, как однажды он встретил в тёмной подворотне мага Азата, убийца почти разучился удивляться. – Чем обязан такой чести, уважаемый кениани?

– Не нужно церемоний, Шакнир. Можешь общаться со мной так, будто я твой старый друг, – глаза старика откровенно смеялись.

– Благодарю, пожалуй, не стоит. Большинство моих друзей мертвы, а те немногие, что ещё нет, наверняка скоро будут. Да и мы с тобой слишком далеки друг от друга. Во всех смыслах.

– Ты грустишь по своим друзьям, Мертвец? – прежним ровным тоном осведомился Ви-Вилит.

Шакнир вскинулся. Прозвище, которое он вспоминал так редко, всколыхнуло что-то внутри. Давние воспоминания разбредили душу, и убийца понял, что некоторые раны не затягиваются со временем. Там, в клане, было тяжело. Но он чувствовал, что вокруг него... семья? Нет, в семьях часто встречаются предательство, трусость и обман. Серые были гораздо большим. «А если на самом деле я хочу не восстановить клан, а просто спастись от одиночества?» – мысль, пронзившая Шакнира, была шершавой, неприятной.

– Наконец-то проняло. Я и вправду начал думать, что ты сделан из камня, – крылья кениани слегка трепыхнулись. – Но нет, ты живой человек. Не изумляйся. Лес знает многое... почти

всё. Он не делится знаниями с кем попало. Те, кого вы называете Лесными, на самом деле такие же пришельцы, как и вы, люди. В самой сути своей они чужды лесу. Только мы, кениани, слышим и чувствуем лес... Ещё духи, но они весьма своенравны.

– Я знаю, – невольно улыбнулся Шакнир недавним воспоминаниям, – встретил одного по дороге. Хороший оказался... хм... парень.

– Я чувствую знак у тебя на руке. И другие видели, когда тащили тебя. Духи не дают его всем подряд, во многом поэтому тебя принесли сюда, а не оставили умирать после того, как ты сразил Ка-Роха... Вот об этом я и хочу поговорить.

– Если ты спросишь меня, как я это сделал, то я вряд ли отвечу, – убийца решил быть честным. Он и вправду не знал, какая магия прошла через него и превратила огромного монстра в бурую лужицу на земле.

– Я знаю, что это сделал не ты сам. Но это было связано с тобой, – Ви-Вилит развёл руками. – Даже лес не смог дать мне ответ. Это было что-то настолько древнее...

– Магия Первых? – предположил Шакнир.

– Ха! Первые! – старый кениани даже задёргался от возмущения. – Поверь, вы незаслуженно повесили на них такой ярлык. Они сильны, но они не были первыми. Были гораздо сильнее! Думаешь, почему они забились в свои подземные города? Я уверен, что спасались бегством!

– От кого же? – жадно подался вперёд Шакнир. Сейчас он слышал то, что, возможно, не знал никто из ныне живущих людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.